

Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг. : Советский вариант реформы *

Историки по-разному оценивают ситуацию в науке в первые годы после революции, и, прежде всего, во время НЭПа. Одни говорят о "мягкой линии" государства, предполагавшей значительную автономию науки. Другие находят в событиях тех лет приметы перестройки культурной жизни, которая в некоторых областях оказалась гораздо более жесткой, чем грядущая "культурная революция". Именно к этому периоду относят они начало структурных и институциональных изменений в науке, завершившихся ее тотальной "советизацией".

Для науки в сельском хозяйстве эти годы связывают с особым доверием и поддержкой со стороны властей, веривших в ее созидательные возможности. По мнению Д. Жоравского, "в ретроспективе легко заметить, как на протяжении короткого периода НЭПа появлялись ростки того, что взорвалось насильственной коллективизацией в конце 20-х. Но едва ли можно уловить признаки кризиса, который одновременно разразился над головами ученых-аграриев" (1, с. 27).

Вместе с тем, ранняя история советской сельскохозяйственной науки редко становится предметом самостоятельных исследований. Историки науки чаще обращают свой взгляд на более яркую

* Автор выражает искреннюю благодарность М. Адамсу, Н. Л. Кременцову, Н. Ролл-Хансену за нелегкий труд по прочтению первоначальных вариантов рукописи. Их доброжелательная критика и замечания оказали большую помощь при подготовке статьи. Д. А. Александрову автор признательна за проявленное внимание и ценные советы. Автор также благодарна участникам семинара по социальной истории науки (ИИЕиТ, Москва) В. Д. Есакову, А. Б. Кожевникову, Н. И. Кузнецовой и К. О. Россиянову за заинтересованное обсуждение доклада по данной теме. Часть архивного материала для статьи была собрана автором при содействии Комиссии по истории генетики в СССР.

и драматичную эпоху лысенковщины и массовых репрессий ученых-опытников.

В настоящей работе мы сосредоточили внимание на истории сельскохозяйственных опытных учреждений в первые послереволюционные годы. На наш взгляд, уже в начале 20-х гг. здесь произошли события, крайне важные для всей последующей судьбы опытного дела. В разгар НЭПа была подготовлена и проведена первая реформа опытных учреждений. Реформа была призвана решить первоочередную задачу новой власти — восстановить сельское хозяйство, рационализировать труд нового хозяина земли — крестьянина.¹ Важной особенностью реформы оказалось то, что во многих своих направлениях она была подготовлена дореволюционными идеями ученых-опытников. Вместе с тем, реформа показала, что новая власть, призывая ученых к сотрудничеству, начинает жестко контролировать их деятельность.

Главная задача реформы — усиление практической отдачи опытных станций. О повышении роли практики в опытной работе говорили еще в начале века. Однако эти идеи разделяли далеко не все представители опытной науки. Только в условиях советского строя, когда возникла необходимость в скорейшем восстановлении и росте аграрного производства при минимальных денежных затратах, идея главенства практики оказалась созвучной официальному курсу.

Реформа предполагала вытеснение оригинальных научных исследований из программ опытных станций, переориентацию работы станций на внедрение результатов научного труда в крестьянскую практику. Опытные станции из научно-практических учреждений, какими они были до революции, должны были превратиться фактически в агрономические образования. Параллельно начиналось создание привилегированных институтов с высоким уровнем финансирования: там предстояло сосредоточить научные исследо-

¹ Значение реформы не исчерпывается, однако, перенесением центра тяжести с обслуживания "дворянских гнезд" на мелкого товаропроизводителя, как считают некоторые авторы. В частности, такая трактовка реформы дана в статье Т. Н. Осташко о сибирских опытных станциях (2), практически единственной работе, где упомянуты организационные преобразования начала 20-х.

вания по всем отраслям аграрной науки. Мы полагаем, что именно в этих событиях следует искать истоки советской организации опытного дела с ее главными символами — институтами ВАСХНИЛ и повсеместно "внедренными" агротехническими методами Лысенко.

Предыстории, мотивациям и анализу реформы 1923 г. посвящена настоящая статья.

Наследство империи

"Опытное дело переживает в России в настоящее время момент серьезного исторического значения, характеризующийся резким подъемом интереса к нему с разных сторон и не менее ярко выраженной верой в будущее агрономического прогресса... Сделана колоссальная работа при участии правительства, общественных организаций и специалистов, но предстоит еще большая работа внутренней организации всех возникающих и преобразуемых станций..."

А. Г. Дояренко, 1913.

Революционная Россия унаследовала от империи разветвленную сеть сельскохозяйственных опытных учреждений, которая насчитывала около 400 станций, полей, ферм, питомников и пр. (3). Лишь треть из них имела статус государственных: опытное дело при царском режиме развивалось главным образом благодаря широкой общественной поддержке. Частные патроны (от августейших особ до университетских профессоров), научные общества, уездные и губернские земства взяли за организацию опытных учреждений значительно раньше, чем в Министерстве земледелия признали необходимость государственного патронажа опытного дела. На рубеже веков явными лидерами вспомоществования опытным учреждениям оказались земства.

Разрыв между общественным и государственным патронажем опытных учреждений должна была преодолеть программа организации опытного дела, родившаяся в земской среде и одобренная Министерством. Впервые в законченном виде программу обнародовали в 1908 г. на Всероссийском совещании по организации опыт-

ного дела.² Основная идея программы заключалась в централизованном сельскохозяйственном районировании территории Российской империи, порайонном устройстве опытных учреждений и объединении их в единую государственную сеть. Однако, отказавшись от дорогостоящих проектов финансирования опытной сети "из казны", создатели программы предусмотрели практику совместных ассигнований с привлечением общественных, прежде всего, земских капиталов. Таким образом, предстояло перестроить стихийно сложившуюся к тому времени систему опытных учреждений. Отношения патронажа при этом утрачивали прежнее значение; на первый план выдвигался "принцип областничества". Непременной основой опытной организации становилась крупная областная станция. Под ее контролем работали районные станции и поля, составлявшие областную сеть.³ Программа не проводила разграничения между научной и практической деятельностью опытных учреждений. Опытные станции призваны были проводить научные исследования с учетом "использования результатов для областных потребностей"; опытные поля — разрешать преимущественно практические вопросы местного хозяйства; кроме того, предполагалось "постепенно учреждать институты опытной агрономии" для разработки "проблем общенаучного и методологического характера" (5, с. 327–328). В специальном разделе программы шла речь о необходимости развития селекции и ее государственной поддержки; при всех областных станциях предлагалось устроить селекционные отделы (5, с. 315). Оставив в стороне подробности обсуждения программы, отметим стремление участников совещания сделать ее приоритетной частью государственной аграрной политики. На основе итоговых документов совещания был разработан и внесен в Думу законопроект "О насаждении сельскохозяйственных

² В разное время в разработке программы участвовали лучшие российские ученые — от академиков до земских агрономов: А. С. Ермолов, П. А. Костычев, В. В. Докучаев, И. С. Стебут, В. И. Ковалевский, А. С. Фаминцын, Д. Н. Прянишников, А. Г. Дояренко, В. В. Винер, В. В. Таланов.

³ Впервые областная модель была предложена на земском совещании по опытному делу в Харькове летом 1908 г. для организации земской опытной сети (4, с. 436).

опытных учреждений", который с уточнениями и доработками был утвержден и высочайше подписан в 1912 г. (6). Как писал профессор Московского сельскохозяйственного института Дояренко, "постепенно, органически на местах выковывалась идея районного построения опытного дела; в ряде областных совещаний выкристаллизовывалась мысль о создании крупных областных центров, и, наконец, на историческом совещании 1908 г. получила совершенно законченный характер в форме областных опытных учреждений, установленных после совещания законодательным путем... " (7, с. 4).

В рамках программы были предложены общие рекомендации по районированию. Они опирались на известные в то время идеи территориального деления по совокупности естественно-исторических характеристик. Основой сельскохозяйственного районирования России признали растительно-климатические зоны, установленные исследованиями русских геоботаников, почвоведов и метеорологов. Областное районирование предполагало долгую и кропотливую работу по сведению воедино статистических данных, характеризующих распределение угодий, скота, полевых культур, экономических факторов и т. п. Такой подход выявил 11 главных сельскохозяйственных зон. Ориентировочно их разделили более чем на 30 областей, границы которых в дальнейшем подлежали уточнению. Предстояло также и более тонкое внутриобластное районирование. Каждую область должно было обслуживать звено из районных опытных станций, полей, питомников с областной станцией во главе (8).

Немногие даже самые крупные опытные станции можно было сразу преобразовать в областные: программа областной опытной станции предполагала проведение работ по многим направлениям одновременно.⁴ Для исследований по такой программе требовалось пополнение оборудования, набор квалифицированного персонала, изменение структуры отделов. Большую часть таких станций предстояло создать заново. Особые надежды возлагались на инициативу земств. Действительно, некоторые южнорусские земства присту-

⁴ Среди обязательных направлений были: агротехника (или зоотехника); селекция сельскохозяйственных растений (животных); энтомология; фитопатология и бактериология; химический анализ; метеорология (9).

пили к организации станций сразу после совещания 1908 г., не дожидаясь принятия закона. До первой мировой войны было открыто 5 новых областных станций (10); началось объединение вокруг них распыленных мелких опытных учреждений. Война затормозила устройство областных станций.⁵ Однако и в военные годы сохранилась положительная динамика расширения опытной сети: с 1913 по 1916 г. было организовано более 90 учреждений (3, с. 59-60). Этот момент для нас особенно важен, поскольку он позволяет утверждать: программа областной организации опытного дела была определена и начала выполняться задолго до революции. Эта программа стала отправными пунктами советских преобразований.

"Всеобщий передел": что делать с опытным делом?

"Четыре года войны, в том числе и текущий год республиканского строя... привели в значительное расстройство существовавшие ранее опытные учреждения... Мероприятия по охране опытных учреждений должны коснуться персонала, земли, имущества и автономии их научной деятельности."

*Из постановлений Совещания
представителей опытного дела, 1918 г.*

Положение опытных учреждений, начиная еще с февральской революции, оказалось связано с аграрной политикой новой влас-

⁵ Так случилось с Московской областной станцией—первой из числа намеченных к открытию на территории центральных российских губерний. Официально об открытии станции объявили в 1913 г. Однако в это время действовал лишь организационный совет станции, который начал переговоры о покупке земельных участков, строительных работах и др. (11). Как предписывали параграфы закона, станция создавалась на средства Московского губернского земства, дополненные государственными субсидиями. В 1914 г. субсидии сократились втрое, хотя правительство обещало компенсировать разницу после окончания военных действий. (12) Не помогло даже то, что земская управа, проявив небывалую лояльность, получила высочайшее согласие на присвоение создаваемой станции имени царствующего дома Романовых (в ознаменование празднования его 300-летия) (13). Работы по устройству станции шли крайне медленно, а в годы революции и гражданской войны были практически законсервированы.

ти. В Советском правительстве вопросы землеустройства и сельского хозяйства (земледелия) состояли в ведении соответствующего комиссариата. В период своего создания в октябре 1917 г. Народный комиссариат земледелия (НКЗ) не относился к числу "командных постов" большевиков. Не имея прочных позиций и самостоятельной власти в деревне, большевики по ноябрьскому правительственному соглашению с левыми эсерами предоставили им все руководящие посты в НКЗ и земельных комитетах на местах (14). 21 ноября 1917 г. под председательством наркома А. П. Колегаева состоялось учредительное заседание Коллегии НКЗ, полностью состоящей из эсеров. Наркомзем, "оказавшись под началом Колегаева, оставался как по составу служащих, так и по общему стилю работы прямым преемником эсеровского министерства земледелия, каким оно было при Временном правительстве", — пишет Э. Карр (15, с. 437).

"Левозеро́вский" период руководства земледелием и земельными отношениями ознаменовался принятием двух известных законов, непосредственно повлиявших и на судьбу опытного дела. "Декрет о земле" от 26 октября 1917 г. отменял частную собственность на землю и объявлял образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия национальным достоянием (16). Утвержденный большевиками в 1918 г., но заимствованный из эсеровской программы "Основной закон о земле" открывал широкие возможности для развития сети опытных учреждений. Согласно статье 13 закона, органам Советской власти предоставлялось право "для поднятия сельскохозяйственной культуры (устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих) определенные участки земли" (17, с. 13).

В отличие от других наркоматов эсеровский НКЗ сохранил традиции, программы работы и структуру "буржуазного" Министерства земледелия. Оно в свою очередь почти полностью копировало царское ведомство: за короткий период пребывания у власти Временного правительства эсеры не успели провести перестройку ве-

⁶ Эсеры продержались в НКЗ дольше, чем в других ведомствах. Правда, после их выхода из состава Совнаркома весной 1918 г., и особенно после июльского мятежа коллегию начали активно укреплять большевист-

ренного им министерства.⁶ Так в НКЗ остались главные имперские центры научного руководства и координации работ опытных учреждений—Ученый комитет и некоторые подразделения Департамента земледелия, в том числе Опытный отдел.

В первый послереволюционный год опытная работа не входила в круг неотложных задач Наркомзема. Его деятельность была полностью сосредоточена на коренном переустройстве земельных отношений, руководстве посевными кампаниями и продразверсткой в период военного коммунизма. Главными рабочими центрами НКЗ стали его чрезвычайные органы—Комитет посевной площади, Секретариат посевной кампании и др., где сосредоточилась значительная часть разросшегося аппарата наркомата. Вся научная и организационная жизнь опытных учреждений оказалась в руках ученых. Такая "стихийная" автономия имела свои положительные и отрицательные стороны.

События революционных лет привели к разрушению имперской сети опытных учреждений. Согласно Брест-Литовскому соглашению, Россия утратила западные губернии—Варшавскую, Люблинскую, Плоцкую, Радомскую, Седлецкую, на которые приходилась значительная часть крупных, хорошо оснащенных опытных станций. Множество опытных учреждений осталось в Эстонии, Латвии, Литве, Бесарабии, а также южнорусских губерниях, в то время также отрезанных от России. Оказались без средств частные опытные станции. С постепенным закрытием научных обществ и упразднением земств с трудом существовали многие патронируемые ими учреждения. Известны случаи, когда опытные поля самовольно захватывались крестьянами, имущество станций расхищалось. По нашим подсчетам на территории Российской Федерации к началу

скими кадрами из числа старых членов партии, соратников В. И. Ленина (таких, как нарком С. П. Середа, член коллегии И. А. Теодорович и др.). После роспуска партии в 1921 г. НКЗ быстро преодолевал левозсеровское влияние—согласно отчету конца того же года полностью из большевиков состояли коллегия, корпус руководителей отделов, на 80%—губернские коллегии земотделов (18). Однако среди рядовых сотрудников региональных отделов вплоть до конца 20-х было немало бывших эсеров.

1918 г. осталось немногим более 80 опытных учреждений. Но к концу 1918 г. произошли кардинальные перемены. Несмотря на сокращение территории страны, революционную разруху и грабежи, количество опытных станций утроилось и к концу года достигло 240 (19, с. XXV). Эта громадная цифра, вполне сопоставимая с общим числом опытных учреждений царской империи, требует пояснений.

Стихийный дележ земли на местах вызывал опасения, что для расширения опытной сети может не хватить подходящих участков. Ученые-опытники развернули поистине массовую кампанию по сохранению старых и организации новых станций. Кампания оказалась весьма удачной по двум причинам. Во-первых, апеллируя к местным властям, ученые пользовались высоким государственным статусом "национального достояния", которым верховная власть наделила опытные учреждения. Во-вторых, образовался большой фонд пустующих помещичьих владений, которые соответствовали критериям "культурных хозяйств" (20, л. 44, 48-49). Именно в таких хозяйствах могли быть развернуты опытные работы. Некоторые губернии начали занимать национализированные имения под опытные станции по собственной инициативе. Например, Новгородская губерния сообщала в НКЗ о всестороннем обследовании значительной группы "культурных хозяйств" и просила узаконить инициативу их преобразования в опытные учреждения (20, л. 2об-3).

Во многом движение на местах определило и политику центра. Вступивший в силу "Закон о земле" создал правовую основу для местных властей. Теперь земельные комитеты легко выделяли "культурные" бесхозные земли: опытные учреждения стали хорошим образцом советского строительства в районе. Правда, с опытниками конкурировали совхозы. Их также создавали в бывших "дворянских гнездах", превращая помещичьи "культурные хозяйства" в советские. Как правило, удавалось учесть интересы и тех, и других: только в одной Московской губернии в список "культурных хозяйств" вошли более 20 поместий (20, л. 47).

Гораздо более серьезной оказалась "межведомственная" борьба. Известны случаи, когда с согласия наркоматов здравоохранения, по делам продовольствия и внутренних дел к опытным станциям "подсеяли на прокорм" госпитали, детские дома, колонии, санатории и пр. В таких ситуациях официальные обращения за помощью

в НКЗ могли оказаться безрезультатными. Ученым-опытникам приходилось искать персональных высоких покровителей. Так, оградить Мысовское отделение Московской областной опытной станции от попыток местного квартирного комитета разместить в лабораторном корпусе психоневрологический санаторий для красноармейцев помогло только вмешательство управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, знакомого семьи одной из сотрудниц станции (21). Следует отметить, что опытные станции "сохраняли" и самих ученых. В условиях военной разрухи и голода в городах, особенно в Москве и Петрограде, собственное хозяйство на опытных землях позволяло прокормить как сотрудников-опытников, так и многих их коллег, охотно посещавших станции.

Высокие показатели опытного строительства имели и обратную сторону. Увлеченные расширением опытной сети, ученые не задумывались о поддержании ее работоспособности. Местные земельные комитеты, не препятствуя созданию опытных станций, отказывались, да и едва ли могли, брать на себя финансовые обязательства. Стихийный рост опытных станций обнаружил полную несостоятельность местной власти в вопросах обеспечения нормальных условий опытной работы. При этом вообще не были определены полномочия властей различных степеней: сотрудники опытных станций не знали, на каком уровне — волостном, уездном или губернском искать поддержку. Это породило пестроту и неопределенность положения опытных учреждений. Многие новые станции оставались "бумажными": не было денег ни на разворачивание работ, ни на пресловутые "дрова". Под угрозой оказалось не только финансирование исследований, но само выживание опытной сети. Назревала необходимость объединения для коллективной защиты опытной работы, поиска гарантий ее нормального существования в будущем (22).

Поддержка верховной власти казалась единственным способом сохранения опытного дела в стране. Ученые понимали, что государственный патронаж в новых условиях обернется и централизацией руководства опытным делом. Большинство ученых считали централизацию на данном этапе не только неизбежной, но и полезной. Подчеркнем: идеи централизации не насаждались насильственно, "сверху"; к ним пришли сами ученые-опытники после неудачных контактов с местными властями. Эти настроения составили рази-

тельный контраст с дореволюционными центробежными тенденциями в опытном деле, связанными прежде всего с активной деятельностью земств и региональных сельскохозяйственных обществ. Отличалось положение ученых-опытников и от ситуации в академической науке, где вплоть до конца 20-х удавалось поддерживать относительную организационную автономию.

**"Подсчет уцелевших сил",
или опытное дело должно быть централизовано**

"Необходимо идти по пути централизации. Положение сейчас таково, что еще долгое время творческая инициатива будет исходить от государственной власти. Только государство сможет создать подобающую обстановку для научной деятельности, и правильно поставит охрану опытных учреждений. "

А. И. Стебут, 1918 г.

"Как работники в области свободной творческой мысли, опытные учреждения, прежде всего... должны предъявлять требования к центральной власти об осуществлении условий для проявления этой самой свободной творческой мысли. "

А. Г. Дояренко, 1921 г.

Специально для обсуждения кризисного положения в опытном деле ученые впервые после революции попытались созвать всероссийский съезд. Однако пришлось ограничиться менее масштабным совещанием: сказывалось почти полное прекращение транспортного сообщения.

Изучение материалов и постановлений совещания помогает понять, как ученые-опытники в те годы представляли себе взаимодействие с центральной властью, что ожидали получить от этого взаимодействия и та, и другая сторона.

Совещание состоялось в Москве в ноябре 1918 г. Его девизом стал, по выражению А. Г. Дояренко, "подсчет уцелевших сил" (7, с. 6). Среди основных задач были названы: объединение опытного дела, поиск взаимодействия с НКЗ и разработка положения об опытных

учреждениях в новых условиях. Среди докладчиков оказался весь цвет дореволюционной отечественной опытной науки и агрономии: Д. Л. Рудзинский, А. Г. Дояренко, Н. М. Тулайков, А. И. Стебут, А. П. Левицкий, Д. М. Шорыгин, В. В. Винер, А. К. Коль, Н. В. Рудницкий. Председательствовал Дояренко. Совещание открыл нарком С. П. Серeda. Он нарисовал захватывающую перспективу государственной поддержки опытного дела. По словам наркома, государство считает "своей ближайшей программой: покрыть страну сетью опытных учреждений, сделать агрономическую помощь доступной населению, ввести всеобщую агрономическую грамотность и поднять на должную высоту агрономическое образование" (23, с. 126). Нарком назвал и те направления, в которых ожидалась помощь ученых-опытников. Опытное дело должно указать пути строительства сельского хозяйства на новых научных началах, пути поднятия культуры аграрного труда. Важным моментом речи наркома было, однако, признание самостоятельности ученых в выборе научных приоритетов опытного дела.

Суммируя доклады ученых, можно выделить несколько позиций, на которых настаивало научное сообщество.

Задачу объединения опытного дела ученые связывали не только с вхождением в систему НКЗ, но в первую очередь с проведением периодических съездов. Такое решение отнюдь не исчерпывалось желанием сохранить дореволюционные традиции "стебутовских" съездов.⁷ По мнению опытников, съезды, в соответствии с демократическими веяниями времени, должны были стать главным органом "коллегиального руководства опытным делом при центральном учреждении"; на съездах предстояло вырабатывать общий план организации опытного дела, системы мероприятий для его реализации, нормы финансирования "содержащихся при государственном участии" опытных учреждений и т. п. (23, с. 182-183). На наш взгляд, свое понимание властных полномочий съездов ученые изложили в разработанном на совещании новом "Положении об опытном деле". В параграфе 5 говорилось: "На заключение Съезда вносятся все

⁷ Знаменитый ученый-агроном, сторонник "негосударственной" поддержки опытной работы и образования Стебут в 1901 г. положил начало регулярным российским съездам специалистов-опытников.

проекты законов и мероприятий по опытному делу, а также все изменения в ранее установленных законах и планах мероприятий. Без заключения Всероссийского съезда законопроекты и общие планы мероприятий по организации и развитию опытного дела в стране не утверждаются Народным Комиссариатом Земледелия и Советом Народных Комиссаров" (23, с. 183). Таким образом, съезд занимал самую высокую позицию в иерархии руководящих структур. В промежутках между съездами их функции выполняло выборное Бюро съездов по опытному делу.

Общая схема руководства опытным делом в республике выглядела следующим образом. Центральное руководящее звено — "всероссийские съезды по опытному делу с бюро (съездов) для текущей работы"; параллельно действует административный орган — Опытный отдел НКЗ, при котором состоит научная коллегия — Совет по опытному делу "из представителей ведомства, Сельскохозяйственного ученого комитета, научных и общественных организаций". На местах создаются областные комитеты, губернские бюро для фактической работы по организации опытного дела" (24, л. 1-3об).

Не менее единодушно ученые признали необходимость централизованного административного заведования или управления опытным делом. Здесь нельзя усмотреть противоречия с предыдущим решением. Под управлением понимали, прежде всего, регулирование вопросов хозяйственного порядка, среди которых на первом месте — финансирование опытных учреждений. Бедственное финансовое положение было той главной проблемой, разрешить которую ученые надеялись с помощью передачи опытных учреждений в ведение НКЗ. При этом очевидно стремление "развести" административное заведование, или управление, и руководство опытным делом. К последнему термину часто добавляли определение "научное", подразумевая, прежде всего, выработку общей научной политики и общего плана организации. Научное руководство должно было остаться прерогативой ученых. Государству в лице НКЗ предстояло наладить систему управления, что казалось локальной хозяйственно-бюрократической задачей, никак не предполагающей посягательство на научную автономию опытного дела. К тому же, наркомземовская власть на первых порах выгодно отличалась от прежней министерской с разросшимся аппаратом чиновников и не-

доступной "верхушкой". Прежних министров едва знали в лицо, а нарком запросто обсуждал с учеными-аграриями насущные дела за чаем⁸. По крайней мере, в 1918 г. НКЗ трудно было заподозрить в злоупотреблении властью, ведомственном диктате. Скорее, ощущалось недостаточное проявление этой власти, например, при решении уже упомянутых споров о посягательствах на суверенитет опытных станций.

Правда, высказывались и иные точки зрения. Тулайков рисовал картину "нормального времени", когда "никаких функций управления за центральным ведомством ... не должно оставаться, поскольку такое управление может нарушить автономию опытного дела". Поэтому Тулайков придавал решающее значение политике НКЗ в опытном деле, "от правильного понимания и проведения в жизнь которой будут зависеть судьбы нашего опытного дела и с ним вместе и судьбы нашего сельского хозяйства" (23, с. 21). Однако и он соглашался с неизбежностью временного делегирования наркомату управленческих полномочий.

Другой важный момент—единодушие участников совещания при обсуждении вопроса об относительной важности научной и практической составляющих опытного дела в новых условиях.

Проблема соотношения науки и практики всегда была одной из самых острых для российских опытников. Мы еще вернемся к рассмотрению различных точек зрения по этому вопросу. Сейчас для нас важно следующее: ученые-опытники никогда не забывали о важности практической, агрономической стороны своей профессиональной деятельности. Еще со времен совещания 1908 г. научным сообществом была признана "двойная задача опытных учреждений: их основная задача—научное творчество, с одной стороны, и непосредственные мероприятия по оказанию агрономической помощи населению—с другой". Мнения тогда разделились лишь по поводу того, как на деле осуществить эти задачи. Одни призывали самих ученых-опытников заняться агрономической практикой. Им возражали сторонники "научной" ориентации опытных учреждений. Они сводили участие опытников в практических мероприятиях к разработке рекомендаций для независимых агрономических организа-

⁸ Такое чаепитие описывает Тулайков (1, с. 30).

ций—связующего звена между наукой и производством. Следы этого давнего спора видны и в докладах участников совещания 1918 г. Но позиция ученых стала определеннее: в годы кризиса главная задача опытных учреждений— "косвенное или непосредственное участие в агрономической помощи населению", "насаждение сельскохозяйственной культуры" пусть даже за счет сокращения научных изысканий (23, с. 63-70). Был найден удачный, как тогда казалось, институциональный компромисс — создание при станциях отделов применения со штатом агрономов "для проведения добытых знаний в практику крестьянского труда" (23, с. 189-190).

Совещание, таким образом, продемонстрировало единство мнений ученых, совпадение позиций науки и власти. Ученые возлагали надежды на государственный патронаж; власть рассчитывала на ответную помощь. И те, и другие считали главной задачей "изжить ненормальные условия сельскохозяйственного производства,... вливая результаты опытной работы в практику массового хозяйства". "Сознание ... важности скорейшего творческого строительства сельского хозяйства на новых началах, ... объединяя нас, представителей государственной власти, с вами, носителями агрономических знаний, может служить прочной основой для совместной практической работы в деле развития сельского хозяйства на благо трудящихся масс", — говорил на совещании нарком (23, с. 125). "За центральными органами должна быть сохранена возможность законным образом влиять на постановку опытного дела. ... Выполнение научной программы должно быть обеспечиваемо государством. В настоящий момент, когда до основания потрясена вся жизнь страны, энергия и средства на местах волей-неволей будут устремлены на удовлетворение вопиющих потребностей первой элементарной необходимости. Только государству в его целом и ему одному будет по силам поддерживать и двигать вперед культурный прогресс. Поэтому обеспечение опытных учреждений средствами на научную деятельность должно всецело падать на государство", — заявляли участники совещания (23, с. 69).

4 января 1919 г. коллегия НКЗ приняла разработанное совещанием "Положение о сельскохозяйственном опытном деле" (24). Все опытные учреждения составили опытную сеть НКЗ; расходы на

содержание опытных станций относились на госбюджет по земледельческому ведомству.

В конце января при Бюро по опытному делу прошло совещание по сельскохозяйственному районированию Российской Федерации (25). Одним из главных докладчиков и создателей программы районирования был все тот же Дояренко. Под его руководством работа опиралась на сохранение принципа областничества как основы построения опытной сети. Дояренко предлагал учитывать как дореволюционные подходы к районированию, так и новые рекомендации, например, труды профессора П. Н. Макарова о районировании по распространению аграрных машин. Разработанная карта включала 14 сельскохозяйственных областей; деление на районы с учетом экономико-хозяйственных условий составляло задачу ближайших лет. Каждую из областей должна была обслуживать областная опытная станция; районы курировали ее филиалы—районные опытные станции и поля.

Решения совещаний и постановление Коллегии НКЗ законодательно подтвердил декрет СНК РСФСР от 8 февраля 1919 г., который закрепил централизацию руководства и финансирования опытного дела в НКЗ (26).

Наркомзем и его "опытная часть":

Ученый комитет, Опытный отдел, Бюро по опытному делу. Кому руководить?

"Имевшаяся сеть опытных сельскохозяйственных станций сильно пострадала в последние годы, и работа Наркомзема в этой области заключалась в восстановлении правильной деятельности их и в развитии этой деятельности применительно к новым условиям коммунистического строя."

Б. Н. Книпович, 1920

Включение опытного дела в систему НКЗ положило начало переменам в связанных с ним подразделениях наркомата. По традиции центром научного руководства опытным делом продолжал оставаться Ученый комитет, созданный еще в середине 19 в. для раз-

решения вопросов, "кои ... требуют сведений специальных и соображений ученых" (27, с. 3). Появились новые структуры, отвечающие за опытное дело. Организацией и финансированием опытного дела занимался Опытный отдел НКЗ. Помимо съездов, по крайней мере внешне мало зависимых от НКЗ, в прямом контакте с ведомством работало Бюро (съездов) по опытному делу. В начале 20-х гг. произошло перераспределение полномочий между этими руководящими структурами, отразившееся на судьбе опытных станций.

Основные события разворачивались вокруг главных соперников в руководстве опытным делом — Ученого комитета и Опытного отдела НКЗ.

Опытный отдел НКЗ — наследник ряда подразделений департамента земледелия бывшего министерства. До революции департамент осуществлял административное управление опытными учреждениями; здесь же разрабатывались организационные мероприятия по созданию государственной опытной сети.

Ученый комитет (УК) в течение многих десятилетий объединял ведущих ученых для разрешения научных вопросов сельского хозяйства и опытной работы.

Сложилось своего рода противостояние "чиновного" департамента и "ученого" комитета, которое не раз давало о себе знать при обсуждении проблем опытной работы. Оно продолжало влиять и на характер отношений Опытного отдела и Ученого комитета НКЗ в советское время. Нельзя не учитывать также появившегося после переезда правительства в Москву фактора территориальной изоляции оставшегося в Петрограде Ученого комитета от столичных коридоров власти.

Конфликт между Опытным отделом и УК проходил на фоне реорганизации комитета, которая имела долгую предысторию, но завершилась только в советское время. Мы считаем, что характер и задачи реорганизации, пути ее осуществления послужили главной причиной сосредоточения всех функций административного и научного руководства опытным делом в Опытном отделе.

Корни реорганизации УК уходят в последнее десятилетие 19 в. — период, когда к руководству Министерством земледелия пришла команда ученых-реформаторов во главе с министром А. С. Ермоловым. Как часть реформы всего министерства разрабатывались

и первые проекты создания при УК исследовательского центра (28). Тогда удалось осуществить немного—было открыто несколько научных бюро, но средства на устройство и работу отпускались весьма скудные. С тех пор вопрос о реорганизации УК обсуждался неоднократно. Российских аграриев вдохновлял пример Департамента сельского хозяйства США (United States Department of Agriculture, or USDA), который совмещал административные, консультативные и исследовательские функции. Таким хотели видеть в будущем обновленный Ученый комитет (УК).

Одним из самых известных и обсуждаемых вариантов реорганизации УК был проект академика А. С. Фаминцына. Автор предлагал учредить Центральный сельскохозяйственный институт для исследований по всем отраслям аграрной науки; УК отводилась роль одного из подразделений института (29). Проект Фаминцына (и другие проекты самостоятельных институтов) вызвал немало возражений. Их суть сводилась к следующему: предусмотрено ли подчинение создаваемого института УК, или институт окажется независимым образованием, "поглотившим" УК. Сторонники проекта не видели принципиальной разницы в "подчиненном" или "руководящем" положении УК, считая главной целью реформы создание в России первого крупного центра сельскохозяйственных исследований. Однако многие влиятельные ученые — члены УК, оказались противниками проекта. Они настаивали на сохранении status quo Ученого комитета и рекомендовали закрепить в проекте подчиненную роль института.

Эти внутренние противоречия усугубляли и без того непростое прохождение вопроса о реорганизации УК через бюрократические инстанции. Только в 1910 г. наконец удалось включить параграф об УК и институте в общий пакет документов по реформированию ведомства земледелия и представить на рассмотрение законодательных органов. Проект, который наконец одобрили все заинтересованные стороны, отличался от предшествующих и выглядел так: Ученый комитет преобразовывался в Сельскохозяйственный ученый комитет (СХУК) с приданием ему всех руководящих функций; при СХУК создавался Институт опытной агрономии с отделами по отраслям аграрной науки (30). Дума несколько раз отсылала документы по реформе на доработку; с трудом выискивали крупные сум-

мы, необходимые для преобразований всего министерства. Только перед самой революцией в конце 1916 г. реформа министерства была утверждена законодательным собранием и получила высочайшее одобрение. Проект создания СХУК также получил силу закона, но так и остался на бумаге (31).

Преобразования, которые наметил "наркомземовский" СХУК, явились продолжением дореволюционных проектов, адаптированных к новым условиям. Эти условия поначалу действительно вселяли надежду, что комитету удастся стать "отечественным USDA" (27, с. 55). Новая власть не только не препятствовала стремлению ученых использовать американские образцы, но даже призывала "учитывать опыт буржуазных стран,... широко использовать его для наших целей", пропуская его, однако, "через призму наших условий, нашего коммунистического мировоззрения" (32, с. 9).

Главные трудности любых преобразований — приобретение земли, финансирование строительства и др., разрешались при новой власти более чем легко. СХУК получил бывшие земельные угодья великого князя Бориса Владимировича в Детском селе для создания селекционно-генетической опытной станции. В опустевших петербургских особняках расселили организованные только на протяжении конца 1917 г. иностранное бюро и пять новых научно-исследовательских отделов комитета: статистико-экономический, садоводства с подотделом огородничества, плодоводства, декоративного садоводства, лекарственных растений. В это же время в ведение СХУК передали подразделения бывшего Департамента земледелия: отдел рыбоводства и научно-промысловых исследований, отдел бактериологии, лесной отдел, Вологодский молочно-хозяйственный институт (27, с. 18-45). Председатель комитета, известный растениевод и агрохимик Николай Максимович Тулайков добивался предоставления УК бывших дворцовых владений в Гатчине для объединения всех отделов и бюро в единый институтский комплекс (33, 34).

На финансирование научных исследований выделяли крупные и все возрастающие суммы. Это вселяло уверенность, "что ныне, с коренным переустройством Русского государства, отношение к нему (Ученому комитету — *О. Е.*) верховной власти изменится, и что он будет располагать средствами, соответствующими для России

той области народного труда, которую он представляет" (27, с. 55). Неудивительно, что в 1919 г. сотрудники СХУК наметили круг задач комитета, вполне соответствовавший масштабам, например, американского департамента. Среди этих задач — научное объединение всего опытного дела, проведение исследований по главным отраслям сельскохозяйственной науки, посредничество между иностранными и отечественными опытными учреждениями для обмена информацией, организация экспедиций, устройство международных конгрессов, издание периодических журналов и трудов и пр. (27, с. 56-63).

Вопрос о преобразовании СХУК обсуждался в НКЗ на рубеже 1920-х гг. неоднократно, и каждый раз решался в пользу сохранения за комитетом как исследовательских, так и координирующих функций. В столице в это время складывалась своя коалиция ученых-опытников, возникшая благодаря ежегодным съездам. Она естественно тяготела к НКЗ и Опытному отделу, где работали в основном коллеги-москвичи. Москва в организации опытного дела со временем оказалась гораздо активнее Петрограда: именно здесь на съездах и в Опытном отделе вырабатывалась государственная программа опытной работы. Усиление Опытного отдела явилось главной предпосылкой передачи функций научного руководства из Петрограда в Москву, от СХУК — в Опытный отдел. Не последнюю роль в таком "перемещении центра" играл географический фактор. В годы интервенции и гражданской войны Петроград был отрезан от работы НКЗ. Но и после окончания военных действий, в условиях транспортного и почтового кризиса столица имела неоспоримые преимущества: в период, когда "делалась и переделывалась" политика в опытном деле, петроградцы-члены СХУК не всегда успевали приехать даже на заранее объявленные совещания. Возросшая активность московских ученых и территориальная изоляция Петрограда, наряду с другими причинами, привели к постепенному вытеснению СХУК на "периферию" руководящих структур. Вместе с тем, комитет приобретал значительный вес как исследовательский центр с многочисленными отделами. Завершением

его развития в этом направлении стало преобразование в Институт опытной агрономии в 1922 г.⁹ Руководство опытными станциями окончательно перешло к Опытному отделу НКЗ.

За годы гражданской войны, подхлестнувшей разрушительные тенденции революции, усилилась и роль московского Бюро (съездов) по опытному делу. Предполагалось, что Бюро должно заниматься текущими делами опытной работы между съездами. Однако в военное время ему пришлось взять на себя непосредственную защиту опытных станции от внешней угрозы. Эта фактическая деятельность закрепилась и в названии Бюро, которое теперь официально именовалось Бюро по защите интересов опытного дела. Проблем в опытной работе к тому времени назрело множество. Продолжалась мобилизация персонала опытных учреждений, в том числе и научного. Боевые действия сопровождалась разграблением имущества станций, уничтожением опытных полей в районах перемещения войск. Архивы хранят инструкции НКЗ, из которых складывается картина нелегкого быта ученых-опытников в военное время. Примером может служить телеграмма за подписью начальника Опытного отдела НКЗ Г. И. Гоголь-Яновского от 27 января 1919 г., в которой предлагалось "в случае какого-либо изменения фронта, всем служащим и рабочим Каменно-Степной опытной станции имени проф. Докучаева оставаться на местах, продолжая работу, все имущество станции, все ее техническое оборудование, приборы, весь семенной материал и запасы не эвакуировать, оберегая их в полной сохранности" (36, л. 1). Таким образом, охрану станций и всю ответственность за сохранение их в рабочем состоянии ведом-

⁹ О некоторых причинах преобразования Ученого комитета в Институт опытной агрономии говорится в книге М. С. Бахраковой (35). Автор связывает упразднение комитета с тенденциями децентрализации в управлении сельскохозяйственной наукой — выделением отраслевых отделов НКЗ: лесного, рыбного и т. п. и распределением между ними руководства исследованиями. Эти процессы, однако, никак не затронули главную область компетенции Ученого комитета — руководство научными исследованиями опытных станций, которое полностью сосредоточилось в Опытном отделе.

ство возлагало на самих ученых. О масштабе потерь можно судить хотя бы по тому факту, что Каменностепная станция переходила "из рук в руки" 23 раза (19, с. VIII-IX). Не легче дела обстояли и в районах, не захваченных войной. Здесь опытные станции подвергались "грабежам" со стороны местных властей.

Бюро по защите интересов опытного дела вместе с Опытным отделом НКЗ старалось по возможности контролировать и облегчать положение ученых-опытников. Именно Бюро обращалось в коллегию НКЗ и вышестоящие инстанции с рядом ходатайств (37). Удалось добиться отмены военной мобилизации опытников и агрономов: в январе 1919 г. Совнарком принял декрет об особой мобилизации специалистов по сельскому хозяйству с использованием их по специальности (27, с. 38). Известна телефонограмма Реввоенсовета об освобождении от реквизиции и конфискации имущества опытных учреждений (19, с. IX), после которой НКЗ предложил "всем земельным отделам, волостным и сельским советам принять все меры к возвращению реквизированного имущества и к ограждению от всякого рода реквизиции и отчуждения в будущем" (36, с. 3). Сотрудники бюро, часто используя личные связи, добивались высоких резолюций на просьбах опытных станций воспрепятствовать "подселению", "уплотнению", "временному размещению" посторонних организаций. Бюро, таким образом, становилось незаменимой структурой, готовой решать самые сложные проблемы деятельности опытных учреждений. После окончания войны на заседаниях 1921-1922 гг. все чаще обсуждались и вопросы научного содержания. В работе бюро активно участвовали ведущие ученые-опытники А. Г. Дояренко, В. Н. Заварицкий, А. П. Левицкий, А. Г. Лорх, А. И. Стебут, Н. М. Тулайков и др., что предполагало возможность его последующего преобразования в консультативный научный орган НКЗ.

Остается добавить, что идея аграрного центра по типу американского, которую не удалось связать с УК, также получила "московское" развитие. Проект аграрной академии поддержал лично

В. И. Ленин. В 1922 г. в ознаменование создания СССР был подписан декрет об учреждении Академии сельскохозяйственных наук в теперь уже союзной столице. Первый институт академии— Всесоюзный институт введения новых растений (в некоторых документах— Институт растениеводства и новых культур) согласно решению организационного комитета также должен был работать в Москве (38).¹⁰

Итак, ежегодное проведение съездов, эффективная работа Бюро по опытному делу, набирающий силу Опытный отдел, московские проекты создания аграрной академии фактически привели к сосредоточению центра руководства опытным делом в столице. При этом политику в опытном деле в значительной степени определяли и контролировали сами ученые.

"Битва за урожай": оргвыводы для опытников

"... Основную, "ударную" задачей переживаемого момента для опытных станций является проведение добытых ими результатов в практику широких кругов земледельческого населения."

Б. Н. Книпович, 1920

"Боевой агрономический фронт должен быть перестроен, на фронте должна быть создана необходимая дисциплина и все прорывы и недочеты в нем должны быть заполнены и устранены."

Из сборника "Центральное управление земледелия и совхозов в свете НЭПа", 1921

В начале 20-х гг. руководство страны стало проявлять повышенный интерес к опытному делу. Официальные документы тех лет не обходились без параграфов об опытном деле. На Всероссийском

¹⁰ Реализация проекта первого института академии проходила при активном участии Н. И. Вавилова, который добился организации института в Петрограде на базе отдела прикладной ботаники ГИОА. Институт был создан в 1924 г. уже как Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, впоследствии ВИР.

съезде губземотделов в конце 1921 г. предлагалось поставить опытное дело "во главу всей агрономической работы", поручить управлять "агрономическими и агрикультурными мероприятиями по каждой отрасли хозяйства" (39, с. 7). Согласно плану НКЗ на 1922 г. опытнодело должно было стать "лидером сельскохозяйственной кампании", в которой участвовала "вся партийная организация сверху донизу" (цит. по (15, с. 624)). Ученых-опытников призывали развернуть "боевой агрономический фронт", "подготовить плацдарм" для промышленного развития.¹¹

Статус "фронта", приданный опытному делу, был связан с новым экономическим курсом партии. Одной из главных задач принятой в это время новой экономической политики стало восстановление сельского хозяйства республики. Акцент на опытное дело объяснялся теми мерами, которые выбрали для выхода из кризиса. Наряду с увеличением посевных площадей, закупкой семян и оборудования, активным привлечением западной помощи, руководство страны сделало ставку на одновременную интенсификацию сельского хозяйства.¹²

¹¹ Появление военных метафор в официальных документах по опытному делу только отчасти связано с агитационным языком власти. Сами опытники спешили объявить себя "бойцами фронта". Дань революционной моде, этот слоган позволял иногда получать отнюдь не символические дивиденды: в годы войны — избежать военной мобилизации, в переходное время — добиваться финансовой поддержки.

¹² Аграрный кризис 20-х гг. чаще рассматривают в социально-экономическом контексте, говоря прежде всего о влиянии гражданской войны на сокращение посевных площадей и сбора хлебов, губительных последствиях продразверстки — голоде, унесшем сотни тысяч жизней. Для нашего исследования интерес представляют в первую очередь не столь заметные, но не менее острые приметы кризиса. Речь идет о глубоком изменении структуры сельскохозяйственного производства. До первой мировой войны в Российской империи наметились процессы товаризации и интенсификации сельского хозяйства — рост рыночных культур (пшеницы, ячменя, сахарной свеклы и др.), расширение травосеяния, введение специальных культур (корнеплодов, кукурузы), развитие мясного и молочного скотоводства, использование усовершенствованной техники, рост перерабатывающих отраслей. Значительного масштаба достигло применение достижений науки: началось использование селекционных сортов и пород, методов защиты растений, современных приемов агротехники, удобрений. Революция и гражданская война не только приостановили прогрессивные тенденции, но, полностью разру-

Цель новой политики состояла, прежде всего, в том, чтобы прекратить "катастрофический регресс" сельского хозяйства (42, с. 10). Предстояло решить двойную задачу: не только "расширить хозяйство, увеличить засев" (43, с. 147), но и "поднять производительность сельского хозяйства", "повышать сельскохозяйственную культуру улучшенными орудиями, семенами" (44, с. 16). Из целей НЭПа вытекали ориентиры НКЗ. Как сказано в документах по подготовке генерального плана НКЗ, "восстановление разрушенного должно составить первоочередную задачу, перед которой стремление реорганизовать сельское хозяйство на более рациональных началах должно отодвинуться на вторую очередь. В действительности же, обе эти задачи разделить нельзя и восстановление неразрывно должно быть связано с реорганизацией" (45, л. 37-38). Ученые-опытники становились главной опорой будущей реформы. От них ждали налаживания интенсивного сельского хозяйства, в первую очередь — широкого внедрения в практику научных рекомендаций. Они должны были прививать населению аграрную культуру — учить применению сельскохозяйственных машин, усовершенствованных агротехнических приемов, посевных материалов и т. п. Как писал в 1921 г. Дояренко, "государство смотрело с большим упованием на опытное дело, в ожидании от него обоснования своей практической деятельности" (19, с. 11).¹³

шив их, форсировали процессы, обратные довоенным (40, с. 120-122). Катастрофическая нехватка продовольствия свела на нет применение улучшенных сортов в земледелии. Рыночные культуры вытеснялись фуражными и продовольственными — рожью и овсом; на 40 % снизилась урожайность главных хлебов; реквизиции и массовый забой скота уничтожили племенное скотоводство (41, с. 133-140).

¹³ "Разворот" власти к опытному делу полностью соответствовал общей российской традиции оживления государственного патронажа в кризисные периоды. Публицисты второй половины XIX в. не уставали упрекать правительство в отсутствии постоянной поддержки сельскохозяйственной науки. Только в годы неурожая и голода, утверждали они, ученые-аграрии замечают "вспышки" внимания государства. Так случилось после засухи середины 30-х, когда не склонное к реформам правительство Николая I учредило Министерство государственных имуществ с Департаментом сельского хозяйства; после "великого голода" 1892-1893 гг., когда реформированное Министерство земледелия впервые объявило создание сети опытных учреждений государственной задачей. Послереволюционный упадок сельского хозяйства, и особенно голод начала 20-х, закономерно привлекли внимание новой власти к сельскохозяйственной науке.

Внимание к практическим результатам опытной работы необходимо рассматривать в общем контексте государственного интереса к прикладной науке в первые годы советской власти. К программам прикладных исследований активно привлекалась даже академическая наука (46). От традиционно "прикладной", и поэтому особенно созвучной настроениям времени сельскохозяйственной науки ждали и максимальной практической отдачи. Мы полагаем, однако, что предпосылки усиления практической компоненты опытного дела следует искать не только в изменившейся экономической политике. Вопрос о главенстве практики в опытной работе был поставлен на повестку дня самими учеными.

Сделав небольшое историческое отступление, скажем, что традиция практической помощи сельским хозяевам имеет глубокие корни в деятельности российских ученых. Существовавшие между полюсами передовой европейской науки и отсталого сельского хозяйства, ученые-опытники зачастую разрывались между занятиями наукой и стремлением улучшить крестьянский труд. К примеру, К. А. Тимирязев считал, что предназначенные для опытных учреждений государственные и земские деньги следует тратить не на научные исследования, а на помощь крестьянам через снабжение орудиями, семенами и пр. (47, с. 18-19). Конечно, опытная работа в любой стране имеет практическую сторону, связанную с внедрением результатов в производство, показательными мероприятиями.¹⁴ Принципиальное отличие состояло в том, что в Европе и США сельские хозяева сами стремились к агрономическим знаниям. Так, Ч. Розенберг пишет о жалобах ученых американских опытных станций на "изнуряющий и неослабный поток фермерских вопросов" (48, с. 158); Д. Фитцджеральд отмечает стимулирующую роль заявок сельскохозяйственных объединений на высокоурожайные сорта в развитии генетики (49). В России же крестьяне, обрабатывавшие землю допетровской сохой и с трудом освоившие простейшее трех-

¹⁴ Отрицательное влияние отсталого сельского хозяйства на развитие науки отмечено во многих исследованиях по экономике сельского хозяйства и аграрной истории. Специалисты указывают на необходимость "обратной связи" в виде стимулирующих науку запросов практики. Если таковые отсутствуют, стагнация самой науки неизбежна.

полье, в большинстве своем сторонились научного сельского хозяйства, считая его "барской причудой" вроде своры борзых или домашнего театра. Поэтому работа с крестьянами оказывалась скорее "насаждением" чуждой культуры и была сродни миссионерству. Во многом просветительская деятельность ученых-опытников питалась идеями "хождения к мужику", "на землю" русского народничества; позже она оказалась созвучной практической работе в деревне эсеров.

Не все ученые опытных станций одинаково оценивали важность практических мероприятий. Возникали публичные дискуссии между сторонниками "научного" опытного дела и "практиками", призывавшими сократить исследования и больше времени уделять крестьянам. Как компромисс, возникла идея создания при станциях специальных отделов для практической работы — отделов применения. Первый такой отдел возник при Харьковской областной опытной станции в 1912 г. Его деятельность признали успешной, подобные отделы открыли или запланировали открыть на других областных станциях.

Голод начала 20-х гг. укрепил позиции сторонников "конкретной помощи", придав ей не только экономическое, но и нравственное обоснование. Ученые призывали друг друга "выполнить общественный долг" — "нести культуру в крестьянское хозяйство", "помогать строительству нового сельского хозяйства", "повышать эксплуатацию агрономического знания" (23, с. 3-5). Широко цитировалось заявление Дояренко о возможностях науки обеспечить 50 %-е и большие прибавки к урожаю за севооборот; агитационный лозунг тех лет гласил: "российское опытное дело показывает способы удвоения и утроения урожаев" (50, л. 176). Отчасти благодаря таким смелым обещаниям ученых-опытников распространилось убеждение: наукой наработано так много, что настал момент остановиться и заняться практикой — внедрением результатов в производство.

Необходимость усиления практической деятельности ученых-опытников объяснялась еще и тем, что в Советской России институт профессиональной агрономической помощи переживал сложные времена. Многочисленные участковые агрономы, до революции состоявшие на земской службе, с упразднением земств оказались не у дел. Одних приписали к совхозам. Другие, попав в штат областных

и губернских земельных управлений, жаловались на бесконечные заседания и совещания, которые не оставляли времени для полевой работы. Значительная часть участковых агрономов вообще лишилась места. Опытные станции остались без того связующего звена, которое передавало достижения опытного дела в крестьянскую массу.

Поэтому дореволюционная идея отделов применения получила в начале 20-х гг. всеобщее одобрение. Отделы удалось создать без особых осложнений, укомплектовав их штаты бывшими агрономами. Отделы применения "распространяли среди населения практические приемы и рекомендации, разрабатываемые опытными станциями". Одновременно с ними возникли экономические отделы, которые "изучали местное сельское хозяйство и тенденции его развития для возможно полного координирования работ станций с практическими требованиями жизни" (27, с. 39).

Вместе с тем заметим, что, признавая важность практической деятельности и даже временно отдавая ей предпочтение, ученые никогда не забывали о другой, главной задаче опытных станций— научных исследованиях, "свободном научном творчестве". "Практик" Дояренко заявлял, что лишь десятая часть результатов творческого труда может быть полезна населению и государству; но ее появление невозможно без остальных девяти десятых на первой взгляд лишней научной работы (7, с. 14). Размышляя о роли аграрной науки в системе советского строительства, он писал, что опытное дело может казаться не отвечающим современным требованиям, потому что "ставя своей задачей ... руководить практической деятельностью, должно рисовать себе будущие перспективы и идти не в хвосте хозяйства, должно идти мыслью знатока впереди современных построений... Опытное дело должно подниматься мыслью в будущее и добывать материалы для будущих построений, которые в настоящее время как практические мероприятия могут быть не всегда ясно представляемы." (7, с. 15-16).

В стремлении усилить практическую отдачу опытного дела экономико-политические соображения власти совпадали с позицией ученых-опытников, по крайней мере, на уровне декларируемых задач.¹⁵

¹⁵ Здесь властям не пришлось идти на компромисс, который в случае с Академией наук описал Л. Грэхем: академическое сообщество включилось в практическую работу по восстановлению народного хозяйства в обмен на обещание правительства сохранить его профессиональную автономию (46).

Реформа опытных станций: перестроить в корне

"Одной из крупнейших работ, проведенных НКЗ в области опытного дела является его коренная реорганизация. Эта реорганизация, вызванная главным образом тяжелым финансовым положением, имела, кроме того, своей задачей борьбу с бесхозяйственностью опытных станций и установление тесной связи между ними и земорганами, а также с общеагрономической организацией. В связи с этим основными моментами при проведении указанной реорганизации явились:

1. Передача управления опытными учреждениями в руки земорганов и уполномоченных НКЗ и ликвидация областных управлений по опытному делу.
2. Согласование работ опытных учреждений с запросами общеагрономической организации.
3. Пересмотр программ опытных учреждений с целью постановки в первую очередь практических заданий, могущих дать реальные результаты по рационализации сельского хозяйства в массовом масштабе. Научно-исследовательская работа возлагается на особые Институты общегосударственного значения.

Из отчета НКЗ Госплану, 1923.

Реформа оказалась связана не только с новой политикой, но и с новыми людьми в НКЗ. Наркомату предстояло играть центральную роль в новых государственных программах восстановления сельского хозяйства. В связи с этим, в 1921 г. начали реорганизацию наркомата. Был восстановлен Сельскосоюз—высший орган сельскохозяйственной кооперации. Преобразовали одно из главных с точки зрения новых задач управление—Центральное управление сельского хозяйства (его по старой памяти называли управлением земледелия и пользовались аббревиатурой ЦУЗЕМ), куда входил Опытный отдел. Во второй раз обновили руководящее звено наркомата. Теперь очередь дошла до сокращения "старых большевистских кадров". В результате сменилась почти вся коллегия во главе с наркомом. В начале 1923 г. вновь назначенный нарком земледелия, член ЦК ВКП (б)

А. П. Смирнов среди первоочередных задач наркомата назвал реформу опытного дела (51).

Опытному отделу ЦУЗЕМ поручили разработать и доложить коллегии общую идеологию и направления реконструкции. В начале мая на заседании коллегии был заслушан доклад Опытного отдела "О ближайших задачах в области сельскохозяйственного опытного дела". Постановка опытного дела на текущий момент была признана неудовлетворительной: среди недостатков отметили нехватку денег и отсутствие практических результатов работы станций. Коллегия одобрила доклад и 14 мая приняла специальное постановление по опытному делу. Предложенные в докладе направления реконструкции были сформулированы в виде единой программы. Ее главные вехи: включение опытных учреждений в общий план развития производительных сил в сельском хозяйстве; пересмотр и сокращение государственной сети опытных станций; передача части опытных учреждений на местный бюджет и подчинение; контроль НКЗ за работой опытных учреждений через отчетность и институт уполномоченных; расширение агрономической работы и практической деятельности опытных станций по рационализации сельского хозяйства; усиление работ по селекции, семеноводству и племенному делу; пересмотр практики руководства опытным делом, задач и структуры Опытного отдела (52, л. 58-59).

а) "Ряд вопросов решался голосами не всегда специалистов", или кто готовил реформу?

Далее события развивались стремительно.¹⁶ В течение двух недель была создана и начала работать Комиссия по пересмотру сети опытных учреждений и их программ, которой предстояло опреде-

¹⁶ Спешка была вызвана прежде всего тем, что после создания Госплана в 1921 г. НКЗ, как и другие "хозяйственные" наркоматы, строил свою работу в соответствии с государственными плановыми заданиями. В ноябре 1921 г. был утвержден первый генеральный план НКЗ на 1921-1922 гг. В 1923 г. предстояло сверстать очередной план НКЗ, а также годовой и перспективный план развития сельского хозяйства. В плановые документы должны были войти и новые плановые задания для реформированной сети опытных станций. Таким образом опытное дело оказалось одной из первых отраслей науки, развитие которой определялось государственным планированием.

лить конкретные детали реорганизации опытного дела. Комиссию возглавлял член Коллегии НКЗ, член ВКП (б) М. И. Козырев; в нее вошла также подкомиссия под председательством С. С. Перова по выработке нового положения по опытному делу (в некоторых документах она именовалась самостоятельной комиссией). Нам не удалось обнаружить прямых материалов о работе комиссий: протоколов заседаний, списков состава. Приходилось реконструировать события по другим источникам: повесткам, объявлениям о заседаниях, письмам, которыми обменивались члены комиссий, докладным запискам. Поэтому наши данные, возможно, нуждаются в уточнении. Как удалось установить, в комиссию по пересмотру сети опытных учреждений вошли заведующий Опытным отделом М. Ф. Арнольд, председатель сельскохозяйственной секции Госплана агроном В. П. Бушинский, заместитель начальника ЦУЗЕМ профессор А. М. Дмитриев, профессор А. Г. Дояренко, член плановой комиссии НКЗ (Земплан) (?) Лященко, сотрудник Главпрофобра НКПроса и научный консультант Совета по сельскохозяйственному образованию и пропаганде НКЗ С. С. Перов, профессор И. Л. Тейтель, а также представители Административного управления НКЗ и ЦК Всеработземлеса; в подкомиссию по выработке положения об опытном деле включили также Н. М. Тулайкова, в то время — директора Саратовской опытной станции, и А. П. Левицкого, начальника управления по опытному делу Московской области. Главным действующим лицом в обеих комиссиях оказался Перов¹⁷.

¹⁷ Профессор-биохимик Перов был известен в то время как главный разработчик программ массового сельскохозяйственного образования. Он являлся также одним из фактических руководителей Тимирязевского научно-исследовательского института, возглавлял отделение биохимии. В 20-е гг. Перов слыл сторонником ламаркизма. Впоследствии он активно поддерживал Лысенко и считался одним из наиболее радикальных академиков - "лысенковцев" (он стал действительным членом ВАСХНИЛ в начале 30-х гг.). Перов — участник многих научно-методических конференций партийно-пропагандистского толка, августовской сессии ВАСХНИЛ. Мы не располагаем точными сведениями о том, почему именно Перову была отведена столь важная роль в работе комиссий. Можно лишь предположить, что руководство НКЗ выбрало лояльного профессора в качестве оформителя и проводника своих идей.

Почти ничего не известно о том, как проходили заседания комиссии Козырева, состоявшиеся 1, 11, 13 и 16 июня. Мы знаем лишь, что представители Опытного отдела подготовили для обсуждения на комиссии аргументированные соображения о сокращении опытной сети. Они сочли возможным закрыть лишь около 20 из 120 опытных станций и полей, составлявших на тот момент опытную сеть НКЗ; многие учреждения предполагали сохранить, сократив их штаты (50, л. 2-4). Но на обсуждение был вынесен и другой проект, предусматривающий радикальное сокращения. Его автором считался Перов. Проект предполагал упразднение или перевод на местный бюджет большинства опытных станций и был "обречен на успех", поскольку отражал позицию Коллегии НКЗ. Действительно, комиссия пошла по пути радикального сокращения и приняла список из 78 оставшихся на полном государственном финансировании учреждений. Остальные (по данным приложения № 1-42) должны были быть ликвидированы, передавались в другие ведомства или переходили на бюджет местных органов (53, л. 224-226). В дальнейшем эти списки корректировались. Сокращение вылилось в еще более выразительные цифры: из 128 числящихся на конец 1923 г. опытных учреждений меньше половины— 59 оставили на государственном бюджете, 50 передали на места, остальные 19 сократили (19, с. XIII).

О подкомиссии Перова удалось выяснить несколько больше. Были спешно проведены три заседания. Некоторые члены подкомиссии так и не успели приехать в Москву. Так, работавший в Саратове Тулайков вообще не смог присутствовать ни на одном из заседаний; начальник управления по опытному делу Московской области Левицкий не смог выбраться на третье (53, л. 218). Заседания проходили в острых дискуссиях. Ученые требовали созыва съезда или, по крайней мере, расширенного заседания Опытного отдела для обсуждения предстоящей реконструкции. Дояренко, Тулайков и Левицкий высказывались категорически против пересмотра существующего положения об опытном деле и вмешательства в работу опытных станций. Проект положения об опытных учреждениях, также подготовленный и доложенный лично Перовым, критиковали и в целом, и по отдельным параграфам. В частности, острые разногласия вызвал параграф об основных типах опытных учреждений и их назначении. По проекту Перова выделялись институты, обла-

стные и районные станции; научные исследования могли производить только институты; все станции должны были заниматься проверкой и внедрением полученных институтами результатов. Альтернативные варианты параграфа предлагали Дояренко, Левицкий и даже сотрудник центрального аппарата Арнольд. Однако, по словам Дояренко, "целый ряд вопросов решался 4-5 голосами, не всегда специалистов опытного дела" (53, л. 217). Проект в редакции Перова так и не был окончательно согласован со всеми участниками обсуждения, что не помешало объявить его итоговым документом подкомиссии.

В начале июня коллегия заслушала выводы обеих комиссий. 2 июля Козырев представил коллегии план сокращения опытной сети в докладе "О необходимых мерах сохранения рациональной постановки сельскохозяйственного опытного дела и приведении его в соответствие с реальными финансовыми возможностями Наркомзема" (53, л. 31). 9 июля коллегия заслушала и одобрила проект нового "Положения о сельскохозяйственном опытном деле и управлении им", постановив принять его "за основу" и "исходя из этого построить план организации опытного дела в РСФСР" (50, л. 126-127).¹⁸

Не останавливаясь на деталях "Положения", отметим ряд принципиально важных его особенностей.

б) "Цель — поднятие производительности сельского хозяйства", или чем заниматься опытному делу?

Главное отличие нового "Положения" — акцент на практических задачах опытной работы. Истоки и общие причины этого направления реформы подробно обсуждались в предыдущем разделе. Целью сельскохозяйственных опытных учреждений согласно п. 1 стало "поднятие производительных сил сельского хозяйства путем разрешения научными методами практических запросов и изыскания наиболее целесообразных форм и приемов сельскохозяйственного промысла" (53, л. 227).

¹⁸ Для окончательной редакции положения об опытном деле и контроля за сокращением станций была образована новая комиссия в составе членов коллегии Козырева, Месяцева, Соколова и Свидерского (50, л. 127).

На наш взгляд, принципиально важным для всей последующей истории опытного дела оказался параграф о выделении особой, привилегированной касты опытных учреждений — исследовательских институтов. В то время в области сельскохозяйственной науки работал лишь один такой институт — Государственный институт опытной агрономии.¹⁹ Остальным предстояло создать вопреки финансовым трудностям и сокращению опытной сети. Институты должны были проводить научные исследования по общим и специальным вопросам сельскохозяйственной науки и естествознания; они получали полное бюджетное финансирование и наделялись высоким статусом общегосударственных опытных учреждений. Все остальные опытные станции и поля, составлявшие на тот момент основу опытной сети, вошли во вторую группу. Согласно идеологии практической отдачи, они должны были исключить из своих программ научные исследования и заниматься проверкой и внедрением полученных институтами результатов, обеспечением потребностей местного хозяйства.

Третье нововведение реформы — перестройка руководства опытным делом. "Положение" отменяло практику демократического руководства: съезды опытников утрачивали руководящие функции. Распускалось Бюро по опытному делу; специальный приказ предписывал Бюро в течение недели сдать все документы в Опытный отдел (54, л. 13). Именно здесь теперь сосредотачивалось все управление опытным делом. Отдел становился не только административной структурой; к нему переходили функции съездов и не-

¹⁹ Решение о создании аграрных институтов, на первый взгляд, полностью объяснимо послереволюционной волной массовой институционализации экспериментальных наук. Инициатором открытия институтов выступало научное сообщество. Власти охотно шли навстречу. Известно, как высоко ценили ученые такую государственную поддержку. Она позволила реализовать давно необходимые в России западные образцы организации исследований без преподавания. Однако в области сельскохозяйственной науки во всем мире институционализация происходила по иной модели. Формировалась сеть равноценных в исследовательском отношении опытных станций. Поэтому вопрос о том, почему (и благодаря кому) в России было принято решение о создании аграрных институтов, а в дальнейшем — системы ВАСХНИЛ, требует специального исследования.

давно упраздненного Ученого комитета по научному руководству опытным делом. Для этого было образовано Научное бюро отдела. Но состав бюро определяли не ученые: кандидатов в количестве 7-11 человек назначала Коллегия (53, л. 227). На сессиях бюро предстояло заслушивать вопросы научной политики в опытном деле: рассматривать и утверждать перспективные и годовые планы, программы исследований, отчеты опытных учреждений. Это означало, что важные для опытного дела решения фактически могли быть приняты келейно, без широкого обсуждения специалистами.

Перестраивалась и система низших эшелонов руководства. Упразднялись опытные бюро и отделы губернских и краевых земельных управлений — носители традиций земской работы.²⁰ По "Положению" 1923 г. вместо них ввели "контроль сверху" — через уполномоченных инспекторов НКЗ. Опытное дело в каждой области подчинялось непосредственно региональному уполномоченному. Главная задача уполномоченного — "контролировать выполнение решений НКЗ" и "сноситься для отчетов непосредственно с НКЗ". Как прокомментировал это нововведение известный ученый-опытник С. К. Чайнов, оно "дало возможность осуществить основную мысль В. И. Ленина: надо не только указать, как делать, но и наблюдать, выполнено ли сказанное" (19, с. XXXII).²¹

²⁰ До революции земские опытные отделы координировали работу областных сетей. Благодаря их деятельности в империи возникли и укрепились тенденции регионализации опытного дела, столь плодотворно сказавшиеся на его развитии в целом. Доставшиеся в наследство от земских структур, отделы и бюро и в советское время представляли авторитетное и профессиональное руководство "на местах".

²¹ Начало контроля за работой опытников укладывается в отличные от общепринятых взгляды на отношение государства к культурному процессу в середине 20-х. Например, К. Рид утверждает, что именно во времена НЭПа стремление партии распространить свою власть на все сферы интеллектуальной жизни стало проявляться отчетливо и систематически. НЭП не был послаблением в отношении культуры. Напротив, он основывался на возрастающем контроле над культурой, был "шагом на пути к культурной революции, а не от нее". Так что перемены в культурной политике, по Риду, следует связывать именно с началом 20-х. (55). Сходную точку зрения отстаивает К. Кларк. По ее мнению, именно в период НЭПа произошла советизация российской интеллек-

в) "Организацию селекции и семеноводства признать первоочередной задачей", или кто выиграл от реформы?

В новом "Положении" помимо общей тенденции к сокращению были названы и приоритетные направления, по которым секвестра не предусматривалось. Эти направления — селекция, семеноводство и племенное животноводство. Такие акценты в работе опытных учреждений соответствовали наметившейся в то время линии государственного патронажа селекции и семеноводства. Ее истоки следует искать также в уже упомянутом законе 1912 г., который предписывал всем областным учреждениям государственной опытной сети создавать селекционные отделы.²²

туальной жизни. Кларк говорит о "нэповской культурной революции", более "тихой" по сравнению с предшествующей 1917 г. и последующей 1929 г., но вместе с тем и более глубинной. В процессе этой революции интеллектуальная жизнь претерпела фундаментальные изменения на структурном и институциональном уровнях, что предопределило главные черты советской организации этой сферы (56). Л. Холмс отмечает растущий контроль партии в сфере образования, однако настаивает на необходимости учитывать сложную игру идеологических, политических и профессиональных факторов. По его мнению, в период НЭПа большевики еще не готовы были пренебречь важностью профессиональных норм, что позволяет говорить о балансе интересов власти и интеллигенции (57). Рассмотренные нами перемены в руководстве опытным делом вполне укладываются в интерпретации НЭПа как периода "баланса интересов".

²² Однако, несмотря на правительственные постановления, до революции, государство не относилось к числу главных патронов селекции. Первые селекционные учреждения появились еще в 1880-е гг. главным образом благодаря частным патронам. Поддержку селекции и семеноводству оказывали земства. Здесь лидировали земства степной полосы Российской империи: Бессарабии, Украины, Крыма. Созданные под их патронажем опытные станции и поля занимались разработкой проблем "сухого земледелия", среди которых центральное место занимала селекция засухоустойчивых растений и связанное с ней семеноводство. Земства создавали агентства за рубежом для изучения селекционного опыта и обмена семенами. Государство включилось в поддержку селекционной работы лишь в предвоенные годы. К 1914 г. благодаря объединенным усилиям в России открылось 12 специализированных селекционных станций; еще 30 опытных станций и полей имели отделы селекции или занимались селекционными работами (4, с. 480-481); по данным 1915 г. насчитывалось более 30 контрольных станций семян и сортоиспытательных станций (10, с. 22-25).

Советское время придало государственному патронажу новую форму. Он проявлялся, прежде всего, через личную поддержку высшими должностными лицами страны отдельных ученых или учреждений²³. Иногда "заполучить" персонального покровителя помогали случайности. Так, почти детективная история вывела на авансцену Шатиловскую опытную станцию. Заведующий станцией известный селекционер П. И. Лисицын считал, что селекционная работа утрачивает смысл без налаженной в государственном масштабе системы репродукции сортовых семян. Он не раз безуспешно пытался пробиться в московские кабинеты с оригинальной схемой размножения сортовых семян. По рассказам Лисицына, поломка наркомовской машины в окрестностях Шатилова в апреле 1921 г. и вынужденный осмотр станции сделали наркома земледелия Середу активным сторонником идей селекционера (59).²⁴ Влиятельный патрон уже через два месяца провел постановление о государственном семеноводстве, которое предписывало "приступить немедленно к организации массового размножения и распространения в Республике чистосортных семян, а потому организацию семеноводства в Республике признать первоочередной задачей Наркомзема... Поручить в первую очередь Шатиловской (Тульская губ.), Энгельгардской (Смоленская губ.), Московской, Воронежской, Саратовской, Безенчукской (Самарская губ.), Вятской и Омской областным станциям... немедленно приступить к расширению и быстрой организации Государственных питомников маточных семян, развивая селекцию и семеноводство применительно к условиям сельскохозяйственной области..." (61, л. 59-60 об).

²³ О преемственности отношений патронажа и брокерства при переходе от "практикующих князей" к "практикующим большевикам" см. статью Д. А. Александрова «Историческая антропология науки в России» (58, с. 9-12).

²⁴ В воспоминаниях Н. В. Тимофеева-Ресовского есть похожий сюжет о задуманном учеными "умыкании наркома" на одну из биологических станций, чтобы, заручившись его поддержкой, расширить исследования (60). Похоже, обретение "своего" наркома становилось необходимым условием успешного продвижения научной работы.

Создание Шатиловской госсемкультуры впоследствии контролировал другой высокий патрон— заместитель председателя СТО, агроном по образованию А. Д. Цюрупа.

Остается добавить, что успехами селекции живо интересовался председатель Совнаркома В. И. Ленин. Из записок Н. П. Горбунова известно, что на Ленина большое впечатление произвела книга А. Гарвуда "Обновленная земля"(62). В ней рассказывалось о достижениях американского сельского хозяйства, которые связывали с применением данных науки, прежде всего селекции. Ленин загорелся идеей создать в Советской России по примеру американцев "научное сельское хозяйство". Начинать, по его мнению, следовало с выведения новых сортов и распространения усовершенствованных семян (63, с. 36-38). "Положение" 1923 г. поэтому следует рассматривать в общем контексте "высокого патронажа", сделавшего возможным проведение в жизнь в сжатые сроки государственных мероприятий в данной области—закона об образовании государственного селекционного семенного фонда 1921 г., положения о развитии сортового семенного дела 1923 г., первого государственного плана семеноводства 1924 г.

***г) "Борьба с бесхозяйственностью опытных станций",
или как сокращать опытное дело?***

"Положение об опытном деле" дополнялось инструкциями и циркулярами о конкретном порядке сокращения опытной сети, о направлениях пересмотра программ опытных станций. Эти документы дают интересную информацию о "качественных" установках реформы. Напомним, что комиссия Козырева разработала порядок сокращения и передачи на местный бюджет учреждений государственной сети. Опытную сеть предстояло сократить более чем вдвое. Такое радикальное сокращение предусматривало особую тщательность отбора. Поэтому весьма показательны разработанные комиссией параметры успешной деятельности опытной станции, гарантировавшие ее сохранность.

Оценивая работу станции, смотрели не на научные показатели. Критериями отбора служили рентабельность хозяйства опытного учреждения, наличие программы или плана исследований, оснащенность научным оборудованием и полевой техникой, степень

развернутости опытной работы. Сходство, параллелизм программ опытных учреждений становились предпосылкой для закрытия одного из них.²⁵ Таким образом под сокращение попадали многие молодые опытные станции, не успевшие начать исследования в полном объеме или составить план работы, оснастить лаборатории, не умевшие зарабатывать продажей собственной продукции.

Апелляция к экономическим и хозяйственным факторам при проведении сокращения опытных учреждений, установка на "экономии", была вызвана ситуацией первых лет действия НЭПа. Следует вспомнить, что переход к рыночной экономике породил кризис финансирования. Многие государственные учреждения были переведены на хозрасчет. В 1922-1923 гг. опытная сеть получила только 11 % бюджетных ассигнований (65, с. 92). Остальные деньги негласно предлагалось добывать самостоятельно, получая и скрывая "левые" доходы. (Официального разрешения на внутреннее использование доходов от продажи сельскохозяйственной продукции удалось добиться только для отдельных станций; несмотря на неоднократные ходатайства Опытного отдела и НКЗ, Наркомфин требовал полного отчисления всех средств в бюджет.) Залогом благополучия станции становилось рентабельное хозяйство. Оно позволяло продолжать исследования независимо от курса червонца, обменивая продукты на оборудование и реактивы на "черном" рынке.

Сокращение, которое проводили на основании хозяйственных показателей, неминуемо вступало в противоречие с задачей сохранения учреждений, ценных прежде всего в научном отношении. Однако в 1923 г. от опытников требовали не научных результатов, а практической работы и рентабельности собственного хозяйства. Возможно, столь пристальное внимание к хозяйственным показателям можно объяснить также и тем образом опытных учреждений, который сложился в российском обществе.

Из всех типов опытных учреждений в России больше всего знали и ценили появившиеся первыми "образцовые хозяйства". Уст-

²⁵ Заметим: когда-то именно этот ставший в советское время нежелательным параллелизм и соревновательный дух обеспечили мировой уровень работ южнорусских опытных станций по теории и практике «сухого земледелия».

ройством и популяризацией таких хозяйств занималась целая плеяда модернизаторов отечественной аграрной жизни — от царских особ до славянофилов и народников. В таких хозяйствах не всегда проводили оригинальные научные исследования. Зато рациональная, с привлечением научных рекомендаций постановка сельскохозяйственных работ делала хозяйство, как правило, высокорентабельным. Образцовые хозяйства были открыты для посещений; здесь проводили показательные занятия с крестьянами.

Образ такого хозяйства прочно укоренился в общественном сознании, став воплощением приложения науки к аграрной сфере. Такое видение "научного" хозяйства распространяли и на опытные станции. Не только малограмотные крестьяне, но даже просвещенная публика с трудом разбиралась в главном, экспериментальном назначении станций. Их по привычке считали "образцовыми" учреждениями, которые показывают, как извлечь максимальную пользу из земли, а значит и сами ведут дела прибыльно. Образцовые хозяйства и опытные станции в дореволюционных реестрах попадали в один разряд — сельскохозяйственных опытных учреждений.

Об устойчивости этого образа вплоть до 1920-х гг. свидетельствует частое объединение в официальных документах опытных учреждений с советскими "образцовыми хозяйствами" — совхозами. В докладе о задачах советских хозяйств в свете НЭПа начальник ЦУЗЕМ М. Е. Шефлер так говорит о задачах опытных станций: "Здоровый дух в здоровом теле" — это выражение как нельзя больше подходит к нашим опытным учреждениям. Те из них, которые смогут, осуществляя свою научную и опытную работу, вместе с тем и рационально поставить все свое хозяйство, будут наиболее надежными базами для опытной работы" (39, с. 7).

Реформа и ученые

"Новое "Положение"... низводя опытное дело до простой проверки полученных уже результатов, в корне подрывает все опытное дело, вынимая из него его душу — творчество".

А. Г. Дояренко, 1923.

Большинство ученых-опытников узнало о проводимой реформе из официальных циркуляров НКЗ. Как уже говорилось, реформа

готовилась келейно, публичные обсуждения не проводились, решения принимались в спешке. Кроме того, все события пришлось на май-август—пик полевой работы. Ученые-опытники в это время мало склонны к профессиональному общению; собрания и съезды всегда проводились в "мертвый" сезон конца осени-зимы. Поэтому основной поток откликов ученых на проводимую реорганизацию пришелся на тот период, когда реформа была уже "в действии".

По нашим данным, в высказываниях ученых негативные оценки реформы явно преобладали. Это не кажется удивительным, если вспомнить самое острое следствие реформы — сокращение опытной сети. Можно выделить две критические позиции ученых.

Одними руководили личные мотивы: они считали реформу неправильной, поскольку сокращение коснулось непосредственно их опытной станции. Как правило, вся энергия оппонентов этой категории уходила на письменную аргументацию необходимости исправления ошибки. В комиссию по пересмотру опытной сети хлынул поток писем с просьбой изменить решения о закрытии или передаче на места опытных станций. Если подобное происходило, критика прекращалась.

Другие оценивали возможные негативные последствия реформы с точки зрения судьбы опытного дела в целом. Опытники смирились с неизбежностью сокращения, вызванного тяжелым финансовым положением. Однако тот путь, который выбрал НКЗ, представлялся неоправданным и губительным. Чаще всего говорили о недопустимости передачи опытных учреждений на местное попечение. Оно вовсе не означало реставрацию дореволюционных традиций, считали специалисты. Если раньше содержание на "местном бюджете"—т. е. за счет земств, научных обществ, частных лиц, порою оказывалось предпочтительнее государственного и открывало свободу научному творчеству, в условиях финансовой нестабильности середины 20-х местное подчинение вылилось бы в остаточное финансирование из скудного местного бюджета. Почти всегда критика была конструктивной; в НКЗ во множестве поступали альтернативные, "менее болезненные", проекты реорганизации. Одни предлагали оставить только областные опытные станции, передав им деньги и штаты, высвободившиеся от сокращения всех остальных учреждений. Таков, например, был проект известного опыт-

ника А. Н. Лебеяднцева, основателя Шатиловской станции, в 1920-е гг. — заместителя ее директора (50, л. 71-72). Другие настаивали на "самореформе", когда все решения о реконструкции областной сети принимает региональное опытное руководство при установленных в НКЗ общих нормативах сокращений по губерниям (50, л. 18-20).

Непримиримую позицию заняли члены наркомземовских комиссий Дояренко, Левицкий и Тулайков. Все трое еще до окончательного утверждения "Положения" направили в Коллегию НКЗ письма о своем несогласии с выводами комиссии и практически со всеми направлениями готовящейся реорганизации. "Принятие нового "Положения" грозит серьезным потрясением во всем опытном деле... ", — заявлял Дояренко (53, л. 217). "Вред, который будет принесен русскому сельскому хозяйству в результате принятия таких непродуманных предложений, нам, опытникам, легко предусмотреть... " — предупреждал Тулайков (53, л. 218-219). В частности, Тулайков категорически возражал против разделения опытных учреждений на научные и практические. Создание особых институтов для научных исследований, считал он, не сможет "заменить ту научную работу, которую ведут областные и районные опытные станции и поля и которым по проекту предлагается только проверка и приложение к практике того, что разработано будет этими Институтами" (53, л. 219). Однако критика признанных опытников никак не повлияла на решение комиссий. Соображения ведущих специалистов остались "особыми мнениями", подшитыми к положительному заключению коллегии НКЗ о реорганизации. Докладные записки Дояренко и Тулайкова столь полно и ярко характеризуют интересующие нас события, что мы сочли необходимым привести эти документы в заключительном разделе настоящей работы.

Реформа предполагала и такие перемены, в оценке которых не было разногласий. Это, прежде всего — приоритетное развитие селекции, о котором шла речь в предыдущем разделе. В реформе и в новом "Положении" многие увидели в первую очередь долгожданную поддержку селекции, семеноводства и племенного животноводства. Неудивительно, что для селекционеров и генетиков это оказалось главным содержанием реформы. Однако даже режим явного благоприятствования селекционной работе не заслонила негативные

стороны общей реорганизации. Так, Вавилов в начале 1924 г. утверждал, что "опытное дело переживает трудный момент. Со 154 учреждений число доведено до 54, но и сокращение не привело к улучшению" (66, с. 109). Заметим, что лично для Вавилова в это время открывались значительные научные и карьерные перспективы в связи с открытием под его руководством первого института Сельскохозяйственной академии. Николай Иванович был одним из тех, кто активно поддерживал идею создания специализированных институтов в опытном деле.

Другим сторонником организации исследовательских институтов являлся С. К. Чайнов, в прошлом—заведующий Воронежской опытной организацией, глава организационного комитета сельскохозяйственной выставки 1923 г., с конца того же года—руководитель Опытного отдела НКЗ. (Забегая вперед, скажем, что именно на его долю выпала "грязная" работа по сокращению и ликвидации опытных станций.) Есть основания предполагать, что именно Чайнов, хорошо знакомый с Горбуновым, являлся одним из главных архитекторов системы институтов сельскохозяйственной академии. Чайнов лично участвовал в заседаниях организационного комитета по учреждению Института прикладной ботаники и новых культур и не раз высказывался за скорейшее его открытие (38, л. 41). Из переписки Вавилова следует, что Николай Иванович надеялся на "укрепление" Чайнова в НКЗ и рассчитывал на его поддержку (66, с. 98).

***

В настоящей работе мы не ставили задачу проследить ход реформы и оценить ее последствия для опытного дела. Это предмет самостоятельного исследования. К тому же, на проводимую реорганизацию наложилась другая, глубинная перестройка опытной сети в период коллективизации и "культурной революции". Поэтому анализ последствий реформы должен быть логически связан с историей ВАСХНИЛ. Нас же интересовали, прежде всего, события начала 20-х: подготовка и законодательное оформление реформы. Предпринятое в настоящей работе изучение предыстории, мотиваций, содержания и хода обсуждения реформы позволяет выделить ряд важных моментов.

Судьба опытных станций после революции определялась самыми разными факторами научной, политической и социально-экономической жизни республики. В их числе: преемственность традиций опытной работы и сохранение имперских программ организации опытного дела; геополитический передел страны и ход боевых действий в гражданскую войну; земельная реформа и аграрная политика Советов от продразверстки до НЭПа; расширение прикладных исследований в науке, их активная институционализация; поиск государственного патронажа и совпадение интересов ученых и власти в опытном деле; противоречия внутри руководящего эшелона опытников; личные пристрастия и поддержка руководителей страны.

Первые годы после революции отмечены значительным подъемом опытного дела. Этому способствовали законы новой власти, придавшие опытным учреждениям независимый государственный статус. Открылись возможности для реализации дореволюционных программ областного построения опытного дела.

1920-е гг. стали временем первой крупной реорганизации опытной работы. Эти события крайне скупо отражены в историко-научной литературе. Они остались незамеченными на фоне глобальной реконструкции сельскохозяйственной науки и практики на рубеже 1930-х.

Главный мотив проводимой реформы — необходимость включить опытные учреждения в работу по восстановлению и рационализации сельского хозяйства. Инициатива реорганизации опытного дела исходила, таким образом, от новой власти в лице НКЗ. Перед учеными-опытниками впервые поставили задачу первоочередной государственной важности. Впервые на них была возложена и столь большая ответственность: никогда раньше успех перестройки сельского хозяйства не ставили в прямую зависимость от труда ученых. Повышенные ожидания породили и более пристальное внимание власти к результатам опытной работы. Мерами по наблюдению за работой опытных учреждений были: упразднение губернских опытных организаций, подчинение станций государственной сети непосредственно НКЗ, создание корпуса уполномоченных НКЗ по опытной работе на местах, включение опытного дела в перспективный план развития народного хозяйства, централизованная разра-

ботка плановых заданий для опытных станций, введение практики "назначения" в сугубо научные структуры НКЗ, превращение лояльности в главный критерий выбора научных кадров. Все это позволяет говорить о реформе как о первом шаге новой власти к регулированию и контролю над опытным делом.

Первоочередная цель реформирования опытных станций — усиление их практической отдачи за счет сокращения оригинальных научных исследований — также определялась общим курсом НКЗ на ускоренную перестройку сельского хозяйства. Однако изучение дореволюционных материалов позволяет утверждать: в этом главном своем направлении реформа следовала чаяниям ученых. И если до революции еще слышны были голоса сторонников "чистого" опытного дела, то в годы послереволюционной разрухи ученые-опытники оказались единодушны в желании сосредоточиться на практической агрономической работе. Некоторые другие стороны реформы — создание специализированных институтов для научных исследований, приоритетное развитие селекции и пр. — также относятся к давним замыслам ученых, реализации которых помогла новая власть. Таким образом, в определении главных направлений реорганизации опытного дела интересы ученых и власти в значительной степени совпадали.

Однако, процесс подготовки проектов реформы, ход их обсуждения и, главное, содержание итоговых документов, оказались далеки от ожиданий ученых. Решающим фактором послужило внешнее обстоятельство — кризис финансирования в период НЭПа. Нехватка денег повлекла вынужденное сокращение сети опытных учреждений. Параметры и критерии сокращения стали одним из главных пунктов критики реформы со стороны ученых. Другим моментом, выявившим не только различие взглядов власти и ученых, но и расхождение мнений внутри научного сообщества, стало создание специализированных исследовательских институтов. Ученым претил также новый, недемократический стиль обсуждения документов, определявших судьбу опытного дела.

Может показаться странным, но именно вопрос о переориентации опытных станций на практическую работу послужил поводом для особенно жесткой критики. Причем оппонентами этой стороны реформы оказались именно те ученые, которые долгие годы явля-

лись последовательными сторонниками усиления практики в опытном деле. Однако это противоречие лишь кажущееся. Ученые возражали не против усиления практической работы станций как такового, а против упрощенного решения, которое было найдено разработчиками реформы. Напомним, что опытным станциям предложено было все силы бросить на внедрение научных результатов в практику, сократив или полностью свернув программы научных исследований. Научной работой должны были заняться специализированные институты. По мнению большинства ученых-опытников, такое разделение исследований и практики было абсолютно недопустимым в науке, обслуживающей сельское хозяйство. Как иногда случается с изысканным архитектурным проектом, автор не узнал свое создание, обезображенное неумелым строителем.

Таким образом, реформа положила начало стратификации равноценных с научной точки зрения учреждений опытной сети. Элитарные научно-исследовательские институты должны были определять научную политику в опытной работе. Опытным же станциям предстояло занять подчиненное положение; их задачи сводились к проверке и внедрению данных, полученных в центральных институтах. От "горизонтальной" системы равноправных с точки зрения исследовательских возможностей опытных учреждений (принятой и по сей день во многих странах) перешли к вертикальной пирамиде. Первым звеном в новой системе стал Всероссийский институт прикладной ботаники и новых культур с сетью опытных станций. Развитие такой системы привело к строительству громоздкой структуры "предметных" научно-исследовательских институтов ВАСХНИЛ, охвативших чуть ли не весь перечень объектов сельского хозяйства—от сои, табака, льна и люцерны до кроликов, овец, коз и верблюдов. Институты разрабатывали весь объем рекомендаций по данной отрасли—от селекции до агротехнических приемов и способов переработки. Подчиненные институтам станции работали строго по инструкциям институтов. Можно предположить, что именно такая система оказалась идеальной для бесконтрольного "внедрения" по указанию сверху приемов и методов опытной работы, подобных агротехническим новшествам Лысенко.

В качестве заключительных комментариев к рассмотренным событиям приведем с небольшими сокращениями упомянутые "особые мнения" о реформе 1923 г. Дояренко и Тулайкова.

В КОЛЛЕГИЮ НАРКОМЗЕМ
ОСОБОЕ МНЕНИЕ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ КОМИССИИ
по пересмотру сети опытных учреждений при НКЗ
проф. А. Г. Дояренко

Назначенная Коллегией Комиссия по пересмотру сети опытных учреждений и "Положения" об опытном деле, к участию в которой я был привлечен, закончив свою работу, вынесла ряд постановлений и утвердила проект "Положения" об опытном деле, которые грозят такими серьезными потрясениями во всем опытном деле, что, независимо от тех соображений, которые были мною высказаны в заседаниях Комиссии, я счел своей обязанностью заявить целый ряд особых мнений по большинству постановлений Комиссии и в настоящем представляю их на усмотрение Коллегии НКЗ при утверждении работ Комиссии.

Вся организационная работа последних пяти лет в области опытного дела согласно выявившимся нуждам и по точным указаниям государственных органов Наркомзема, Госплана и др. — заключалась в планировании государственной сети опытных учреждений, охватывающей все разнообразие громадной территории и ее экономических условий, объединенной в единое построение в отличие от кустарнических раздробленных попыток местных органов. С этой целью было разработано районирование всей территории на области и в каждой организованы областные и районные опытные учреждения. К этой работе были привлечены все местные силы, и в течение трех лет она была вчерне закончена и приступлено ко второй более сложной задаче — планомерному развитию программ и налаживанию работы. Эту работу возможно было провести при достаточно прочной организации областных объединений, соответствующих органов административного управления в лице Областных Совещаний, Областных управлений и Всероссийского Совета и Бюро по опытному делу. Последние работы в этой области дают удивительную по своей стройности картину объединения и планомерного распределения работ по Области, что и составляет конечную цель того государственного планирования, которое должно лечь в основу опытной работы.

Таким образом, из распыленного состояния опытных учреждений с разрозненными программами создано прочное дифференциальное объединение их, допускающее возможность государственного планирования, использование отчетности, сводки и регулирования планомерной работы. Основным базисом такого положения явилось:

- 1) Областная организация опытных учреждений
- 2) Государственная сеть входящих в эту организацию опытных учреждений
- 3) Территориальное распределение их согласно районированию территории
- 4) Организационное построение планирующих и руководящих органов в соответствии с областными заданиями.

Для дальнейшей успешности опытного дела и приближения его работ к производственным заданиям эти основные принципы должны быть сохранены, несмотря ни на какие финансовые затруднения, которые могут лишь замедлить ход работы, уменьшить масштаб их, но не изменить общего принципа государственного планирования этой основы всего сельскохозяйственного прогресса.

Все работы Комиссии в корне нарушают эти основные принципы и, будучи проведены в жизнь, приведут наше опытное дело в прежнее распыленное состояние, уничтожив результаты пятилетнего строительства.

Основной посылкой, руководимой работами Комиссии и приведшей к полной ломке планомерной государственной сети, явилось указание Коллегии НКЗема на необходимость ликвидировать или передать местным органам те учреждения, которые не достаточно оборудованы или не успели развить достаточно свою научно-исследовательскую работу.

При осуществлении государственной сети опытных учреждений в результате деятельности работы местных областных опытных организаций по пересмотру существующих опытных учреждений были упразднены некоторые опытные учреждения и открыты новые в соответствующих районах и немедленно приступлено к их организации. Несмотря на невероятные трудности последнего времени, все же удалось некоторые учреждения организовать и

понемногу, по мере сил и возможности, начать их оборудование.

Естественно, что многие из них в силу совершенно понятных причин не могли быть сполна оборудованы. Еще более естественно, что недавно организованные недостаточно оборудованные опытные учреждения не могли сколько-нибудь широко развить свою научную работу, первые годы которой по характеру своей работы являются мало заметными (производство обследований, рекогносцировочный посев, разработка программ на основе детального изучения нужд хозяйства и пр.). А между тем это обстоятельство и послужило главным поводом исключения ряда опытных учреждений из государственной сети и их ликвидации или передачи местным органам, и государственная сеть осталась безо всякого соотнесения с ее районами и областями.

Считаясь с затрудненным финансовым положением страны и невозможностью развить опытную работу полным ходом на всех государственных опытных учреждениях, я настаиваю на том, чтобы государственная сеть **была сохранена полностью в соответствии с намеченным районированием**, но в меру финансовых затруднений работа некоторых учреждений была временно свернута до минимальных размеров с сохранением небольшого научного персонала и возможности вновь развернуть свою работу. Эти учреждения, как государственно-необходимые, не должны быть передаваемы никаким местным органам (это положение нисколько не устраняет возможности и целесообразности передачи других, узко-местных опытных учреждений местным органам). Но наряду с такими государственно-необходимыми, но не успевшими развить своей научной работы учреждениями Комиссия постановила (при моем особом мнении) передать ГЗУ и ряд других оборудованных и научно-работающих опытных учреждений в силу их "местного значения", — как районных, напр., Петровское опытное поле, Кубанская оп. станция, Старожиловское оп. Поле и пр. Обслуживая соответствующий район, области эти опытные учреждения и составляют основные звенья государственной сети и, оставляя в одних районах государственные опытные учреждения, а в других передавая их местным, иногда различным органам, мы тем самым совершенно ломаем возможность какого бы то ни было планирования и целесообразного распределения задач и работ на всей территории.

Все постановления Съездов, Совещаний и пр. признавали необходимость объединения всего опытного дела в одном центре— Опытном Отделе... . В силу сказанного я не считаю возможным согласиться с предложениями Комиссии о передаче ряда учреждений другим Отделам, ведомствам и учреждениям (Наркомздраву, Мелиоразему, Трестам и пр.)

Самым существенным в смысле ломки всего опытного дела и возвращением к распыленной необъединенной организации является принятый Комиссией (при моем особом мнении) проект нового "Положения" об опытном деле.

Прежде всего, вызывает недоумение и большое затруднение в работе по переработке существующего "Положения" отсутствие указаний на те дефекты в "Положении" 1919 года, которые вызывают необходимость его пересмотра; причем не ясно во всем задании Комиссии, насколько вызывают возражения основные положения или требуется изменение некоторых деталей без нарушения основных организационных построений.

Подходя к предложенному Комиссией проекту нового "Положения" с точки зрения вышеизложенных соображений, я должен констатировать полное несоответствие проекта с основным принципом построения опытного дела, не подлежащим, как то много раз было указано в Комиссии, изменению—т. е. с областным построением опытного дела, централизованного в государственных органах, и объединением опытного дела области в областных учреждениях по опытному делу.

Отсутствие ясного указания в проекте на это, с одной стороны, а с другой—весьма неопределенные функции местных административных органов, в связи с распылением сети по местным органам, существенно нарушает стройность построения, достигнутого пятилетней работой планомерного строительства опытного дела... . В виду полной необоснованности проекта и резкого расхождения в принципиальных взглядах авторов проекта и работников опытного дела, я считаю возможным остановиться на отдельных параграфах проекта и считаю необходимым высказаться против всего построения проекта в целом, в котором:

1) Совершенно не верно освещена роль и задачи опытных учреждений,

2) Отсутствует ясное указание на неоспариваемые основы областного построения опытного дела,

3) Введено административное управление, не соответствующее принципу областного построения и общегосударственного объединения.

В целях соответствия "Положения" об опытном деле с его задачами и служебной ролью в поднятии производительных сил страны в основу "Положения" об опытном деле должны быть положены следующие принципы:

1) Основным заданием **всех опытных учреждений** (как общегосударственных, так и местных) должна быть научно-исследовательская творческая работа по разработке и изысканию новых продуктивных путей сельского хозяйства (а не только проверка полученных результатов, как это имеет в виду "проект"). Различие между общегосударственными, академическими и местными учреждениями должны заключаться лишь в масштабе работы и рациональном разделении труда, планируемого объединенными органами (Съездами, Советами, Областными совещаниями). Постановка этого вопроса в редакции проекта, низводя все опытное дело до простой проверки полученных уже результатов, в корне подрывает все опытное дело, вынимая из него его душу — творчество

2) Разделение опытных учреждений должно быть проведено по принципу масштаба работ на а) общенаучные или общегосударственные академические опытные учреждения, разрабатывающие вопросы широкого научного значения в общегосударственном масштабе, б) областные и районные государственные опытные учреждения, разрабатывающие вопросы местного значения различного масштаба и согласно установленному распределению работ на Совещаниях и Съездах; эти две группы опытных учреждений составляют государственную сеть и в) опытные учреждения узко-местного значения, содержимые местными органами.

3) Вся работа государственной сети областных и районных опытных учреждений строится по областному принципу соответственно с районированием страны, причем в областях научно-организационная работа руководится периодически созываемыми Областными со-

вещаниями, имеющими не только характер съездов для обмена мнений, но несущих функции ответственного руководящего органа...

4) При Опытном отделе НКЗ, кроме Бюро, как постоянно действующего органа, выделяемого Съездом, должен быть **Совет по опытному делу**, объединяющий работы Областных совещаний и планирующий работу по областям. Все важнейшие вопросы опытного дела разрешаются этим Советом.

В частности, представляется совершенно недопустимым, чтобы изменение "Положения" об опытном деле, пересмотр всей сети и пр., что проводится в данный момент, было произведено без участия Совета, существующего по "Положению", **еще не отмененному**.

Представляя вышеизложенные замечания по существу работы Комиссии, позволю себе высказать мнение и по характеру ее работ. Несмотря на то, что в состав ее было включено несколько специалистов по опытному делу и представителей различных отраслей, фактически в работе Комиссии принимали участие далеко не все ее члены, и целый ряд вопросов решался 4-5 голосами, не всегда специалистов опытного дела. Придавая колоссальное значение вопросам, обсуждавшимся в Комиссии, на судьбы опытного дела, я полагаю **необходимым** подвергнуть вопрос обсуждению в Совете по опытному делу, который и надлежит созвать в ближайшее время.

Предвидя, какой непоправимый вред принесет проведение в жизнь постановления Комиссии, и считая необходимым снять с себя, как участника Комиссии, ответственность за последствия, я считаю своим долгом все вышеизложенное довести до сведения как Коллегии НКЗ, так и высших государственных органов на их усмотрение... .

Подписано: Член Комиссии проф. А. Дояренко (53, с. 215-217).²⁶

В КОЛЛЕГИЮ НАРКОЗЕМА.

Как Член Комиссии по реорганизации опытного дела, не имевший возможности быть ни на одном из ее заседаний по случаю отъезда в Саратов, я предполагал высказать свое мнение по поводу выводов этой Комиссии на заседании Коллегии НКЗ в понедельник

²⁶ Документ представляет собой перепечатанную копию письма Дояренко. При публикации сохранены все особенности орфографии, пунктуации и выделения.

2/VII; однако заседание было отложено на неопределенное время, в среду 4/VII мне необходимо выехать обратно в Саратов, и я считаю необходимым внести свое особое мнение в заседание Коллегии по упомянутому вопросу.

Примыкая, в общем, ко всем тем замечаниям по существу постановлений Комиссии, которые отмечены в особом мнении проф. А. Г. Дояренко, я считаю нужным обратить внимание Коллегии НКЗ еще на некоторые из этих положений.

Прежде всего, мне приходится отметить, что никакой необходимости пересмотра "Положения об опытном деле" в настоящее время я не усматриваю, так как до сих пор, благодаря существующему "Положению" опытникам удалось сохранить и продолжить работу на всех опытных учреждениях СССР не в пример всем прочим организациям НКЗ. Если виной некоторых опытных станций и можно считать их относительно малую работу, то это зависит не от "Положения", по которому они существуют, а от тех общих условий, в которых им приходится работать, и от невозможности со стороны НКЗ поставить в финансовом отношении работы опытных учреждений на должную высоту.

И если из предварительных разговоров с заместителем Наркомзема и Членами Коллегии опытники вынесли впечатление, что планируемое сокращение числа опытных учреждений не изменит общей суммы отпускаемых на опытное дело средств, то действительность совершенно не оправдала этих ожиданий, т. к. при сокращении учреждений были сброшены не только причитающиеся на их долю платежные единицы, но уменьшены местами довольно значительно и средства на остающиеся по проекту учреждения.

Еще раз приходится отметить, что в то время как по постановлению высших государственных органов разрабатывается переход к областному делению СССР, большинством малоизвестных или совсем неизвестных с выгодами и стройностью областной организации опытного дела членов Комиссии отбрасывается весь принцип областного строительства опытного дела, и мы возвращаемся к тому положению, в котором были в девяностых годах прошлого столетия. Кому и зачем нужно делать шаг назад в ушедшее прошлое, я не знаю, знаю только, что в этом постановлении Комиссии принимали

участие лица совершенно безответственные в прошлом опытного дела и в судьбе его в будущем.

...

В проекте "Положения", представленного в Коллегию от имени Комиссии, есть много нецелесообразностей и для меня, как опытника, ясно, что он принят Комиссией только потому, что в нем приведена неприемлемая для опытника точка зрения на организацию опытного дела. Ничем нигде не доказано, что существующее "Положение" привело опытное дело СССР к краху. Нигде и ничем еще не доказано, что почти не существующие и в науке пока еще себя ничем не проявившие Научно-исследовательские Институты, за отличным исключением Государственного Института Опытной Агрономии в Петрограде (бывший С. Х. Ученый Комитет НКЗ) могут хоть в малой степени принять на себя обязанность исследовать научные проблемы сельского хозяйства огромной территории СССР и взять на себя ответственность сознательно и добровольно за это. Зная достаточно хорошо и прошлое и современное положение этих почти бумажных Институты, ни в коем случае не могу допустить, чтобы они могли заменить ту научную работу, которую ведут областные и районные опытные станции и поля, и которым по проекту предлагается только проверка и приложение к практике того, что разработано будет этими Институтами.

Вред, который будет принесен русскому сельскому хозяйству в результате принятия таких непродуманных предложений, подчеркиваю здесь, безответственных не только в самом опытном деле, но и перед Коллегией НКЗ лиц, нам, опытникам, легко предусмотреть и наш долг обратить на это внимание Коллегии....

По всей линии хозяйственной и научной работы в СССР в настоящее время проводится совершенно твердо линия полной ответственности каждого руководителя крупным учреждением за всю его работу. Это относится и к фабрикам и заводам, и к университетам и Вузам вообще. Почему-то этот принцип не прилагается пока в область опытного дела. В результате почти шестилетней работы руководителей опытным делом в отдельных областях и учреждениях за время революции они не только заслужили к себе доверие членов Комиссии по реорганизации опытного дела, а только теперь к ним предлагается поставить уже полностью отброшенный жизнью

институт "комиссаров" под именем уполномоченных. Мне кажется, что нужно быть последовательным и открытым всегда: если нет доверия к руководителям опытного дела, их нужно просто удалить с их постов и передать всю ответственность и все права новым доверенным лицам. Опытники против такой постановки вопроса отнюдь возражать не будут... Пусть Коллегия скажет твердо и ясно, что она или не доверяет современным руководителям опытного дела на местах и тогда снимает с них ответственность за состояние учреждений и их работу, возлагая ее на уполномоченных, или же своим доверием к ответственным работникам опытного дела поддерживает в них надлежащую бодрость и укрепит в них сознание этой ответственности еще больше.

Второе, на что мне хотелось бы обратить внимание Коллегии— это вопрос о специальных средствах опытных учреждений. При ничтожных ресурсах, которые отпускаются на работу опытных учреждений из центра, все они могут сколько-нибудь работать только при условии использовать получаемые от продажи их продуктов сельского хозяйства на нужды учреждений. По данным для двух крупнейших наших опытных учреждений— Безенчукской и Саратовской опытных станций—дотации центра едва покрывают 50 % самых насущных расходов учреждений. Все остальное покрывается от продажи продуктов, полученных в хозяйстве. Другие научные учреждения с. х. Институты НКПР получили право использования специальных средств на нужды учреждений, и Коллегия должна добиваться в соответствующих учреждениях использования опытными учреждениями специальных средств на нужды опытно-го дела.

Член Комиссии (подпись) Н. Тулайков

3/VI-23 г.

От руки приписано: Верно: Секретарь Бюро (53, с. 218-219)

Литература

1. *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Chicago, London, 1986.
2. *Осташко Т. Н.* Областные опытные станции как форма организации сельскохозяйственных научных исследований в Сибири в 20-е гг. // *Формы организации науки в Сибири.* Новосибирск, 1988. С. 104-120.
3. *Елина О. Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // *ВИЕТ.* 1995. № 1. С. 40-63.
4. *Агрономическая помощь в России.* / Ред. Морачевский В. В. СПб., 1914.
5. *Тр. Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России.* СПб, 1909.
6. *Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности, 1837-1912.* Пг., 1914.
7. *Дояренко А. Г.* Роль опытного дела в системе государственного строительства. Бюлл. № 30 Опытного поля Петровской Сельскохозяйственной академии. М., 1921.
8. *Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях.* Прилож. III // *Тр. Совещания по организации опытного дела в России.* С. 391-394.
9. *Организация порайонного изучения сельского хозяйства.* Прилож. II // *Тр. Совещания по организации опытного дела в России.* С. 359-390.
10. *Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений.* Пг., 1915.
11. *Московская областная опытная станция имени царствующего дома Романовых.* Осведомительный доклад Московской городской земской управы о подготовительных работах по организации станции, выполненных в 1913 г. М., 1913.
12. ЦГИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 275. Д. 313.
13. ЦГИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 313.
14. *Милютин В.* Аграрная политика СССР. Л., 1929.
15. *Карр Э.* История советской России. Большевицкая революция. В 2-х тт. Т. 2. М., 1990.
16. *Собрание узаконений России, 1917-1918.* № 1. 2-е изд. Ст. 3
17. *О земле.* Т. 1. М., 1921.
18. *Отчет Народного комиссариата земледелия ГХ Всероссийскому съезду Советов.* М., 1921.

19. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917-1927 гг. Л., 1928.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 93.
21. Неопубликованное письмо В. П. Великановой к В. Д. Бонч-Бруевичу от 17/VIII 1920 с его резолюцией. Из личного архива семьи Великановых (хранится у автора статьи).
22. *Дояренко А. Г.* Неотложные внеочередные нужды опытного сельскохозяйственного дела. Бюлл. № 14 опытного поля Петровской сельскохозяйственной академии. М., 1918.
23. Тр. совещания представителей опытного дела и агрономических организаций губернских земельных отделов 12-14 ноября 1918 г. в Москве. Вып. 1. Секция по опытному делу. М., 1919.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91.
25. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 374.
26. Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968.
27. Краткий очерк деятельности и задач Сельскохозяйственного ученого комитета. Пг.-Киев, 1919.
28. *Книпович Б. Н.* Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917-1920). М., 1920.
29. РГИА. Ф. 381. Оп. 31. Д. 170; 240
30. РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 655.
31. РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 266; Ф. 381. Оп. 47. Д. 594
32. *Крупская Н. К.* Предисловие // *Тулайков Н. М.* Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов. М., 1923. С. 3-9.
33. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 98.
34. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 99.
35. *Бастракова М. С.* Становление Советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973.
36. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91.
37. Обзор деятельности Бюро всероссийских съездов по опытному делу с ноября 1919 г. по июль 1921 г. // Тр. VII Всероссийского съезда по сельскохозяйственному опытному делу. Вып. 1. М. С. 140-143.
38. РГАЭ. Ф. 437. Оп. 5. Д. 2388.
39. Центральное управление земледелием и советскими хозяйствами в свете НЭПа. К Всероссийскому съезду губземотделов. Сб. статей / Ред. *М. Е. Шефлер.* М., 1921.

40. Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. М., 1925.
41. Сб. статистических сведений по СССР за 1918-1923 гг. М., 1924.
42. Теодорович И. А. О государственном регулировании крестьянских хозяйств. М., 1920.
43. Ленин В. И. Собр. соч. Т. XVIII. Ч. 1.
44. Ленин В. И. Собр. соч. Т. XVI.
45. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 156.
46. Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton, N.- Y., 1967.
47. Тимирязев К. А. Сочинения. В 10 тт. Т. 3. М., 1937.
48. Rosenberg C. Science, Technology, and Economic Growth: the Case of the Agricultural Experiment Stations Scientists, 1875-1917 // No other Gods. On Science and American Social Thought. Baltimore, 1978. P. 153-172.
49. Fitzgerald D. The Business of Breeding. Hybrid Corn in Illinois, 1890-1940. Ithaca, 1990.
50. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2397.
51. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1081
52. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 974.
53. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975.
54. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2381.
55. Read Ch. Culture and Power in Revolutionary Russia. The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. Basingstoke, London, 1990.
56. Clark K. The "Quiet Revolution" in Soviet Intellectual Life // Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture / Ed. Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, and R Stites. Bloomington, Indianapolis, 1991. P. 210-230.
57. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов-на-Дону, 1994.
58. Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. №4. С. 3-22.
59. Компанеев М. К. П. И. Лисицын // Ученые агрономы России. Из истории агрономической науки. М., 1971. С. 175-183.
60. Тимофеев-Ресовский Н. В. Как я умыкал наркома // Воспоминания. М., 1995. С. 128-139.
61. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210.
62. Гарвуд В. Обновленная земля. М., 1909. (Перевод К. А. Тимирязева. Harwood W. The New Earth.)

63. *Горбунов Н. П.* Как работал Владимир Ильич. М., 1933.
64. Селекция и семеноводство в СССР. М., 1924.
65. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2384.
66. *Н. И. Вавилов.* Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. 1. Петроградский период, 1921-1927. М., 1994.